

ГЛАВА X

1762–1772: ЗАВЕРШЕНИЕ «ЭПОХИ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ»

Во время моего владения многое переменялось.
Екатерина II

«Стоимость» переворота

Самый веселый переворот эпохи сопровождался «безденежным распитием» в открытых для толпы кабаках, за что казна заплатила откупщикам 77133 рубля 60 копеек.¹ Разгулявшиеся измайловцы в ночь на 31 июня подняли Екатерину с постели и потребовали показаться полку. На следующий день по полкам было объявлено о высочайшем недовольстве «в излишнем питье» и необходимости «повиновения к своим командирам», а на улицах появились караулы и пикеты с пушками.

Последнее было вызвано не только опасением сопротивления. Переворот вызвал криминальную «волну», сказывавшуюся на протяжении нескольких месяцев. Еще в ноябре (после переезда двора на коронацию в Москву) по указанию старшего сенатора И.И.Неплюева подполковник Преображенского полка Ф.И.Ушаков и другие офицеры составляли «диспозицию» для прекращения «происходивших здесь продерзостей, грабежей и воровства в домах и на улицах». Остававшиеся в Петербурге гвардейские части с ситуацией не справлялись; для охраны порядка и борьбы со «злодейскими партиями» пришлось привлечь Владимирский полк и даже «морские команды». Солдаты занимали в городе и окрестностях посты совместно с полицейскими генерала Корфа, также жаловавшегося на участвовавшие разбои на дорогах.²

В первых числах июля из конногвардейцев была образована «пешая команда» для «предосторожности от внезапного пожарного времени и хождения в дом ее императорского величества». В июле императрица распорядилась пополнить гвардию «хорошими людьми» из полевых полков (2-го Гренадерского и Воронежского), откуда было переведено 700 человек.³

Тогда же был восстановлен корпус кавалергардов, куда включили участвовавших в перевороте лейб-кампанцев и вновь отбираемых кандида-

тов не только из гвардии, но и из провинциальных полков. Возглавил его прежний шеф Лейб-компаний камергер И.С.Гендриков; но реальным командиром этой личной охраны императрицы стал Григорий Орлов – в качестве сначала поручика, а затем командующего корпусом. Кавалергарды сопровождали Екатерину в поездках, охраняли внутренние покои дворца и получали особые приказы насчет персон, которых можно было допускать туда из «общей залы». В отличие от вольных порядков Лейб-компаний, в корпусе царица жесткая дисциплина: провинившихся немедленно отправляли в армию. Императрица сама отбирала кандидатов на эту службу, следила за их карьерой, давала ответственные поручения.⁴

Предосторожности не были излишними. Гольц уже 10 августа сообщал в Берлин: «Эти два полка [измайловцы и конногвардейцы. – И.К.] внушают отвращение гвардии, остальным полкам армии, стоящим в гарнизонах, а также кирасирам покойного императора и флоту. Не было дня, когда бы не происходили, столкновения между этими двумя различными сторонами. Последние упрекают первых в том, что они продали своего государя за несколько копеек и стакан водки... Бунтовщики говорят, что императрица отравила своего мужа после того, как незаконно узурпировала власть; что она играет с религией и благочестием; что они догадываются о том, что она торопится короноваться, но что она никогда не добьется этого; что великий князь не был сыном покойного императора, что они призвут Иоанна на престол. Все эти пересуды происходили открыто. Двор, вместо того, чтобы положить этому конец жесточайшими репрессиями, применил лишь полумеры, такие, как рассредоточение мятежных частей, которые вернулись в казармы немного спустя для того, чтобы вытянуть деньги».⁵ О симпатиях к покойному императору и волнениях в Преображенском и Семеновском полках сообщали также посол Франции Бретейль и голландец Мейнерцгаген.⁶

Прусского дипломата можно было бы упрекнуть в преувеличении – все-таки он слишком много потерял с падением Петра III. В нашем распоряжении действительно нет иных свидетельств о недовольстве в армии и гвардии в первые после переворота дни. Однако не исключено, что они просто должным образом не отражались в полковых бумагах. Зато денежные выдачи из Кабинета фиксировались подробно; из них следует, что переворот 1762 г. стал самым «дорогим» по сравнению с предыдущими.

Широко известный и опубликованный в «Ведомостях» список наград главным героям «революции» составил в общей сложности 200 тысяч рублей и 18 тысяч пожалованных душ, что по расчетной цене в 30 рублей за «душу» составляло 540 тысяч рублей. Но это была только часть всех расходов.

Еще ранее полугодичное жалование за «верные и усердные при вступлении ее императорского величества на всероссийской императорской престол службы» получили все гвардейские и расквартированные в столице полки. Бумаги Кабинета показывают, что наград уже не просили, а **требовали** не только гвардейцы, но и гарнизон Кронштадта, матросы императорских яхт, «инвалидная команда» и прочие подразделения, по разным причинам находившиеся в столице. Так, явившийся прямо к Панину поручик Владимирского полка Сазонов от имени своих сослуживцев возму-

щался отсутствием «отпуска» денег и доказывал, что его солдаты были в «походе» 28 июня и прошагали — ни много ни мало — 54 версты.⁷

В итоге гвардия и армейские полки получили к 10 июля 194289 рублей.⁸ Еще 3681 рубль из «комнатных» сумм пошли на отправку в Германию голштинских солдат и офицеров.⁹ Судьба голштинской гвардии Петра III оказалась трагичной: три корабля с солдатами и офицерами погибли во время шторма, как сообщал об этом в дешифрованном русской почтой письме от 17 августа 1762 г. английский посол Р.Кейт.¹⁰

Кабинетские ведомости подтверждают донесения дипломатов (Гольца и Мейнерцагена) о срочных поощрениях недовольных. Уже 14 июля Алексей Орлов получил для раздачи солдатам 8 тысяч рублей;¹¹ кроме того, на «секретные выдачи» ушло еще 12 тысяч рублей и 3 тысячи рублей «на секретное употребление» через Н.И.Панина.¹² Такие выплаты в 1762 и 1763 гг. шли также через других Орловых и К.Г.Разумовского; иногда в расходных документах прямо указывалось, что деньги предназначены на раздачу гвардейцам.¹³

Платили не только солдатам. 4600 рублей получил И.И.Бецкой (согласно Е.Дашковой, причислявший себя к инициаторам переворота); 100 тысяч рублей — дядя императора принц Георг Голштинский, побитый солдатами своего же полка; 8 тысяч рублей — фрейлины на приданое. В 8700 рублей была оценена служба капитан-поручика С.И.Озерова, конвоировавшего императора к месту его последнего заточения. 12 тысяч рублей достались подполковнику Семеновского полка Ф.И.Вадковскому. 2 тысячи рублей пожаловали преображенскому майору Текутьеву — очевидно, за то, что не помешал заговорщикам поднять полк 28 июня; и т.д. Даже столичным нищим было роздано через Вадковского 3 тысячи рублей.¹⁴

В результате только за полгода (с июля до конца декабря 1762 г.) из поступивших в Кабинет двух с лишним миллионов ушло 1893570 рублей (подсчеты наши). Эти расходы (в среднем примерно 315 тысяч рублей в месяц) несопоставимы с личными тратами Петра, который — для сравнения — за май 1762 г. раздал из Кабинета 13265 рублей, за июнь — всего 9931 рубль). Даже если учесть, что часть расходов новой императрицы была связана с дворцовым хозяйством, все же можно сделать вывод, что переворот обошелся казне в сумму около полутора миллионов рублей. Но были и иные пожалования. Сохранившаяся ведомость раздачи дворцовых волостей показывает, что Петр III успел за полгода своего царствования подарить 8546 «душ», а его супруга за 8 месяцев (к марту 1763 г.) в два с половиной раза больше — 21423 «души».¹⁵

Ведомости Кабинета за 1763 г. (за январь-апрель и декабрь) и 1765 г. показывают, что выплаты «секретных» сумм продолжались и позднее: в марте-апреле 1763 г. Алексей и Григорий Орловы получили в общей сложности 13 тысяч рублей для раздачи «известным лицам»; прочие «секретные» выплаты составили 12 тысяч рублей.¹⁶ В декабре того же года на анонимные «секретные» выдачи ушло еще 9 тысяч рублей, а на обмундирование телохранителей-кавалергардов — 30 тысяч рублей. В 1765 г. только «секретные» расходы составили 15 тысяч рублей — при том, что ближайшее окружение Екатерины (Орловы, Панин, Теплов, Шаховской, Чернышев, Талызин) одновременно получили из «комнатных» сумм 246900 рублей.¹⁷

Ведомости за 1764 и 1766 гг. отсутствуют; но по документам 1767 г. «секретные» расходы выросли до 136275 рублей, в 1768 г. — до 120 тысяч рублей.¹⁸

В названных выше материалах указывались только относительно крупные суммы; отдельно фиксировались многочисленные мелкие выдачи в 1—3 рубля, которые шли солдатам, женам и вдовам военных и чиновников, лакеям и другим «бедным людям» придворного и столичного мира.¹⁹

Наконец, в октябре 1763 г. бывший канцлер А.П.Бестужев-Рюмин доверительно сообщил австрийскому послу, что Екатерина через своих секретных агентов «велит вывозить из империи весьма значительные и простирающиеся до нескольких миллионов денежные суммы», которые переводились на особые счета в Амстердаме и Гамбурге, о чем собеседник Бестужева уже знал.²⁰ В ведомостях Кабинета мы обнаружили следы проведения такой финансовой операции, хотя общая сумма платежей остается пока неизвестной.²¹ Но они свидетельствуют, что императрица в 1762—1763 гг. чувствовала себя на троне весьма неуверенно.

Документы Кабинета позволяют сделать вывод, что «стоимость» российских переворотов неуклонно возрастала и в 1762 г. составила уже существенную часть бюджета (порядка 10 %) — по сравнению с 30 тысячами рублей, в которые обошлось воцарение Екатерины I.²² Кроме того, начиная примерно с царствования Анны Иоанновны доходы правящей верхушки все больше составлялись не из «официального» жалования, а из разного рода «пенсий» и наград. К 1762 г. эта тенденция достигла своего максимума.

При этом награды распределялись весьма неравномерно. За год офицер-артиллерист Г.Г.Орлов стал камергером, графом, генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом, кавалером орденов Андрея Первозванного и Александра Невского, поселился во дворце и получил во владение дворцы Гатчины и Ропши. А.Г.Орлову (помимо наград в 1762 г.) с 1766 г. по 1796 г. был выделен особый «пенсия» в 25 тысяч рублей.²³ Помимо этого, братья Орловы стали к 1768 г. владельцами 9571 души.²⁴

Измайловский полк получил в июле 1762 г. 25272 рубля, т.е. в два с лишним раза больше, чем все четыре гарнизонных полка (10688 рублей). Поэтому рядовой армейский служивый, прогуляв пять с половиной полученных рублей, мог с понятным неодобрением смотреть на избранных счастливых. Но и в гвардии награды были скромнее по сравнению с «взлетом» беспородных елизаветинских лейб-кампанцев. Гренадеры-измайловцы, первыми перешедшие на сторону Екатерины и даже выполнявшие «известную посылку» в Петергоф (видимо, речь шла об аресте Петра), несколько лет не могли получить обещанных им 40 рублей и сержантских чинов.²⁵

Зависть и недовольство вместе с видимой легкостью совершения «революции» порождали стремление «исправить» положение. Эту наметившуюся уже в 1741 г. тенденцию четко выразил Н.И.Панин в записке о необходимости Совета при императрице: «Мы слишком тридцать лет обращаемся в революциях на престоле, и чем больше их сила распространяется между подлых людей, тем они смелее, безопаснее и возможнее стали».

Гвардейские тревоги

По мере включения в работу дезорганизованной «перестройкой» Тайной экспедиции мы получаем возможность по ее материалам составить представление об общественной атмосфере после переворота.

Дела 1762 г. довольно скудны; создается впечатление, что столичные новости еще не разошлись по стране и не вызвали отклика. И все же они были: уже в августе отставной прапорщик Прохор Лазарев из Пскова заявлял, что «взбунтовался лейб-гвардии Преображенской и лейб-кирасирской полки и в подданстве быть не хотят» и к тому же «бывшего правления Панин принц Иоанн найден». Присланный в столицу по распоряжению Панина отставник божился, что все это ему рассказывали конногвардейцы, действительно опасавшиеся нападения соперничавших полков.²⁶

Менялось и отношение к свергнутому императору. Первоначальные отзывы о нем были скорее неблагоприятными. Крестьянка Меланья Арефьева считала его «некрещеным»; московский дьячок Александр Петров — нарушившим «закон».²⁷ Сторожа собора Василия Блаженного Кузьма и Иван Васильевы верили, что Екатерина «извела» своего мужа, но находили для нее смягчающие обстоятельства: «Ибо де был он веры формазонской, и по той де формазонской вере написан был патрет ево, которой всемилодиейшая государыня приказала прострелить, отчего он и скончался».²⁸ В следующем году преображенский солдат Роман Бажулин раздобыл где-то в Пскове и распространял в Москве стихотворную «писсу» от лица Петра III:

*«Испортили во мне плуты Петрову кровь,
А девка бабья разжгла во мне крайнюю любовь.
Вы бутте прокляты отныне во веки фармазоны,
Супругу я отверг невинну, непорочну, а жил с побочною»...*

Далее государь каялся в том, что «обидел духовных персон», «сребро и злато увезть домой старался», принял «мартынов закон» и «шатался» с любовницей, желавшей умертвить наследника; в заключение просил его простить и «даровать живот».²⁹

Это сочинение перекликалось с другой ходившей «между простым народом в употреблении» песней, в которой уже Екатерина горько жаловалась на «мужа законнова»:

*«Что гуляет мой сердечной друг
Со любимой своей фрейлиной,
С Лизаветою Воронцовою...
Что хотят они меня срубить, сгубить».*³⁰

Но уже в июле 1762 г. на похоронах императора секретарь французского посольства Беранже (а за ним Мейнерцгаген) отметил «грустное выражение на лицах» и предположил: «Ненависть нации к Петру III, кажется, сменяется жалостью».

Следственные дела Тайной экспедиции также подтверждают изменение отношения к свергнутому императору, «включение» его в традиционный образ доброго царя. В 1763 г. в них отражается уже традиционное отношение к императрице-женщине: сомнительных достоинств «баба»

ничем «народ не обрадовала» и служивых не жалует, «а как на что другое — у нее больше денег идет». Вообще, по мнению крестьянина Дениса Семенова: «Как наша государыня села на царство, так и погоды не стало».³¹

В октябре 1763 г. бывалый клязник, украинский сотник Федор Крыса в письме на имя генерал-прокурора Лёбова сообщил, что, по его сведениям, Петр III не только жив, но якобы уже послал неверной супруге «подарок» — платок и табакерку.³² Так — через год с небольшим после отречения и гибели — император «воскрес» в народном сознании. Уже в 1764 г. о нем как о живом стали говорить солдаты столичного гарнизона, вслед за тем появился и первый из известных нам самозванных «Петров III» — Николай Колченко.³³ Отныне образ безвинно изгнанного государя начал свое самостоятельное существование и доставил Екатерине куда больше хлопот, чем его прототип.

Одновременно Гольц и Беранже уже в 1762 г. отмечали оппозицию стрелительному выдвижению Григория Орлова и его братьев: против бывшего любимца и лидера интриговали недавние друзья и сторонники. Так, в дни коронационных торжеств возникло дело поручиков Петра Хрущова и Семена Гурьева, намеревавшихся посадить на престол «Иванушку». Вся инициатива ограничивалась «матерной бранью» в адрес императрицы и похвальбой в «велием пьянстве»; но власть отреагировала серьезно: виновные были «ошельмованы», лишены дворянства и отправлены на Камчатку.

Предполагаемый «марьяж» — брак Екатерины и Григория Орлова — вызвал резкое сопротивление вельмож и спровоцировал другое известное гвардейское «дело» камер-юнкера Ф.Хитрово и его друзей, измайловских офицеров братьев Рославлевых и М.Ласунского — главных героев 28 июня. «Орловы раздражили нас своей гордостью», — заявляли недовольные офицеры и выражали намерение убить выскочек, а Екатерину выдать замуж за кого-нибудь из братьев заточенного Ивана Антоновича.³⁴ Дело было решено тихо и без суда: виновные отправлены в ссылку.

Еще раньше в Казань был сослан преображенский майор Василий Пассек, о поведении которого было приказано докладывать Панину.³⁵ В деревни поехали «титулярный юнкер» Воейков и поручик Петр Савельев, «разглашавшие» настолько «непристойные слова», что их не рискнули доверить даже протоколам следствия: дело было сожжено.³⁶

В том же 1763 г. императрице пришлось разбираться с доносом дворовых людей Теплова, из которого следовало, что статс-секретарь досаждал холопам своими гомосексуальными наклонностями.³⁷ В марте началось расследование дела ростовского митрополита Арсения Матеевича. В служилой среде эта история истолковывалась порой самым фантастическим образом: сержант Ингерманландского полка Иван Пятков верил в «спасение» Петра III и полагал, что ростовский архиерей расстрижен «за то, что его фальшиво погребал».

Гвардия не сомневалась в гибели Петра III; его образ отныне «ушел в народ», где воскресал неоднократно на протяжении екатерининского царствования. Но в полках продолжалось брожение; имя, казалось, давно забытого узника не сходило с языка. Гольц и его французский и гол-

ландский коллеги подметили, что недовольные «чернь и солдаты» обращались к имени заточенного императора Ивана Антоновича. О том же говорят и дела Тайной экспедиции.

В мае 1763 г. преображенец Михаил Кругликов пожаловался друзьям из Конной гвардии: «Нас де 500 человек, другую ночь не спим для Урлиха»; неожиданный вызов своих сослуживцев на дежурство с боевыми патронами солдат расценил так: «Не будет ли еще какой экстры», — после чего и загулял. Допросившие его Панин и Глебов доложили императрице, что и обычное «безмерное пьянство» опасно, поскольку «малейшее движение может возбудить к большому калабротству». Екатерина в особой записке попросила следователей: «Однако при наказанье оного служивого прикажите, хотя Шишковскому, чтоб он еще у него спросил: где оные 500 человек собираются и видел ли он их или слышал ли он от кого?»³⁸ Забудыга Кругликов отделался батогами; но уже летом другой гренадер Семеновского полка Степан Власов также во хмелю заявил, что он в компании с капитаном Петром Воейковым «намерены государыню живота лишить», и похвалялся, что за ними стоят большие «господа».³⁹

Другой семеновец, сержант Василий Дубровский, вместе с офицером-артиллеристом Василием Бороздиным и отставным капитаном Василием Быкиным обсуждали вопрос о «революции» более серьезно. По опыту 1741 г. Дубровский предлагал занять на переворот денег у шведского посла; с их помощью предполагалось усыпить гарнизон Шлиссельбурга, освободить Ивана Антоновича и увезти его «за границу к родне». Екатерине же и наследнику он намеревался «в кушанье дать» отраву — например, растворенный в пиве опиум. Третий же собеседник подошел к делу наиболее прагматично: бедный отставник рассчитывал выманить у шведского дипломата 50 тысяч рублей и с ними ... отбыть в Париж. Но посланник тоже помнил исторический урок и платить отказался, поскольку Елизавета по воцарении нисколько не помогла Швеции.⁴⁰

Тем же летом кирасир Яков Белов сокрушался: «Матушка де государыня жалует одну гвардию, а нас забывает; другие де полки хотят уж отказать». Старый преображенский солдат Яков Голоушин жаловался: «Нас де армейские салдаты как сабаки сожрать хотят; не без штурмы де будет, вить де Иван Антонович жив». Но сам гвардеец и его сослуживцы сочувствовали узнику и даже жалели о свергнутом Петре III: «Бывшей государь был милостив и многих из ссылки свободил, да и Иван де Антонович выпустил было на волю; да и нам при нем хорошо было».⁴¹

Доносы и репрессии оказались не в состоянии пресечь «толки» в полках, на основании которых возникло не менее двадцати дел.⁴² Гвардейцы осуждали возвышение Орловых, а вместе с ним и возможность нового переворота: «Не будет ли у нас штурмы на Петров день? Государыня идет за Орлова и отдает ему престол».⁴³ «Што ето за великой барин? — возмущался в марте 1764 г. семеновский солдат Василий Петелин. — Ему можно тотчас голову сломить! Мы сломили голову и императору; мы вольны, и государыня в наших руках. Ей де года не царствовать, и будет де у нас государем Иван Антонович». Гренадеры-измайловцы Михаил Коровин и его друзья категорически заявляли: Орлов «хочет быть принцом, а мы и прочие етова не хотим».⁴⁴

Интересно, что в череде этих и подобных дел 1763–1764 гг. наблюдается уверенность в скором восшествии на престол заточенного государя. В 1763 г. солдат Кирилл Соколов рассказывал, что Иоанн «живет в Москве в Немецкой слободе и к нему приклонились преображенские». Весной-летом 1764 г. такие ожидания явно увеличиваются: преображенцы говорили о скорой присяге и даже о состоявшемся обещании Ивана III увеличить солдатское жалованье до 30 рублей.⁴⁵

В апреле 1764 г., когда было объявлено о предстоявшем путешествии Екатерины в Прибалтику, гренадеры-преображенцы обсуждали это событие: «Врят де быть походу; может де статься не хуже того, что с третьим императором делалось». А измайловцы отпускали в адрес государыни «скромные непристойные слова» и считали возможным ее свержение: «Все триотца да мниотца, конечно де будет такая ж как прежде тревога». Следователи В.И.Суворов и А.А.Вяземский убедились, что подобные разговоры были широко распространены, и даже просили у императрицы разрешения прекратить допросы, т.к. найти «точного рассевателя» вредных толков было невозможно.⁴⁶

Уже накануне отъезда Екатерины II в Ревель, в июне 1764 г. конногвардеец Анисим Якимов донес о «непристойных словах» преображенца Степана Андреева: «Как де государыня пойдет в поход, так де Иван Антонович примет престол»; на это «уже две роты согласны, да согласиться надо нам всей гвардии». Точно в таких же словах обсуждали этот политический вопрос и солдаты Суздальского полка: «И когда де преображенские и семеновские присягнут, то де и нам нечего делать». Начавшееся тут же следствие выявило большое количество таких «согласных»: в списке оказалось около 100 человек.⁴⁷

Проходившие на протяжении 7–10 июня допросы установили наличие оригинального плана урегулирования династической проблемы: предполагалось, что Екатерина «примет принца и возьмет ево в супружество». Автором этой идеи оказался капитан-поручик Преображенского полка Семен Хвостов; он же начал уже с этой целью собирать солдат-преображенцев «в свою партию», якобы от имени Екатерины. Гвардейцы полагали, что сама императрица желает таким образом «разведать мысли салдацкие». Реальная Екатерина лично вмешалась в дело — ей не давали покоя «скрытные замыслы» Хвостова. В особой записке она предписала допросить его по пунктам и выяснить, почему тот говорил Орлову, что солдаты за него, а солдатам — о «принце».⁴⁸

Вслед за этим событием под следствие угодили преображенские прапорщик Иевлев и капитан-поручик Соловьев. Офицеры обсуждали борьбу придворных «партий» и полагали, что одни хотят на престол Павла, а другие — Ивана, «только кто-то ково переможет?». При этом Иевлев верил, что заточенному принцу уже якобы присягнул Суздальский полк, а господа в каретах «ездят к Ивану Антоновичу на поклон, которой живет в Шлютельбурхе».⁴⁹

За несколько дней до попытки освободить шлиссельбургского узника поступил донос о подозрительных разговорах измайловского сержанта Василия Морозова. Тот заявлял о какой-то «камисии» в полку, от кото-

рой «из наших офицеров один не постраждет ли», и сожалел об обидах «птенца Ивана Антоновича», о котором беседовал с регистратором из самой Шлиссельбургской крепости Лаврентием Петровым. Доклад об этом расследовании был подготовлен 2 июля; причем его руководители Неплюев и Вяземский решили почему-то болтливого чиновника не трогать.⁵⁰ Находившаяся в Риге Екатерина это решение одобрила, что выглядит несколько странно, особенно в свете случившегося в ночь с 4 на 5 июля покушения на переворот.

Неудачное предприятие Василия Миновича хорошо известно, хотя уже современники подозревали, что за подпоручиком Смоленского полка стояли «большие» персоны. Знал об этом и разбиравший в 1830-х гг. секретные бумаги прошлых царствований министр внутренних дел Д.Н. Блудов: в докладе Николаю I он особо выделил существовавшее «нелепое заключение» о том, что Минович был «подосланный от правительства заговорщик».⁵¹ Подозрения эти сопровождают «дело Миновича» вплоть до нашего времени. Однако приходится признать, что если такая провокация и имела место, то спрятана она была надежно: никаких доказательств ее до сих пор не обнаружено.

Важнее представляется то, что сама попытка Миновича родилась в атмосфере ожидания переворота и явилась материализованным выражением этих ожиданий. Оказалось, что незнатный и никому не известный младший офицер без особых усилий смог увлечь за собой солдат из охраны важнейшей политической тюрьмы, а они были готовы подняться на мятеж по артельному принципу: «Куда де все, то и он не отстанет»; колеблющихся же убедили чтением самодельного манифеста.⁵²

Интересно и другое: впервые переворотная акция планировалась без участия гвардии. Во всем прочем подпоручик собирался повторить действия Екатерины. С выкраденным из крепости Иваном Антоновичем он рассчитывал прибыть в расположение артиллерийского корпуса, поскольку «во оных полках против прочих многолюднее и гораздо больше отваживее потому состоят, как из многих полков лучшие собраны». Так же, как и 28 июня, предводитель заговорщиков намерен был прочесть заготовленный им манифест и провести присягу новому государю, затем послать офицеров с «пристойными командами» для захвата крепости и мостов, разослать в «нужные места» манифесты и присяги и увлечь за собой остальные полки.⁵³

Шансы отчаянного подпоручика были ничтожно малы: у Миновича не было надежных частей с сообщниками-офицерами. В полках, куда он намеревался привезти Ивана Антоновича, наверняка нашлись бы верные присяге и более авторитетные для солдат командиры. Да и в гвардии производства в чины и награды принесли Орловым сторонников; поэтому Григорий, по словам Бретейля, вполне мог просто заявить, «что гвардия испытывает к нему такое расположение, что если в течение месяца он захочет, он ее [Екатерину. — И.К.] лишит трона». Но устроить смятение с пальбой и паникой было вполне возможно, ведь преувеличенные толки изображали реальное событие в виде случившейся в столице «реbellии» с избранием «нового наследника престола».⁵⁴ Да и сама императ-

рица, как следует из ее записки к Панину, опасалась волнений артиллеристов, поскольку «командир у них весьма не любим».⁵⁵

На протяжении двух лет фигура «птенца Ивана Антоновича» настолько сконцентрировала на себе внимание всех недовольных новыми порядками и просто обойденных судьбой, что в этом «силовом поле» он просто должен был погибнуть — или вернуть себе свободу и трон. Но для этого усилий Миновича было явно недостаточно, а выросший в изоляции принц не годился на роль графа Монте-Кристо. Счастливую для Екатерины особенность «послепереворотной» ситуации отметил Гольц еще летом 1762 г.: «Единственная вещь, которая благоприятствовала двору во время этих кризисных событий, это то, что недовольные, более многочисленные в действительности, чем все остальные, не имели никакого руководства». Законному претенденту сочувствовали рядовые и отдельные офицеры. Но у устранившегося двадцать лет назад «принца» не было своей «партии» при дворе и связанных с ней надежных исполнителей.

Смерть несчастного Ивана III несколько разрядила обстановку. Начиная с 1765 г. поток «гвардейских» дел и заключенных Тайной экспедиции, связанных с «переворотными» сюжетами, на время обрывается. В качестве «претендентов» теперь появляются сумасшедшие, вроде пытавшегося предложить Екатерине руку и сердце садовника Мартина Шницера.⁵⁶

Политическая трагедия переходит в бытовой жанр: дедиловский воевода Иев Леонтьев поколачивал свою супругу со словами: «Ты меня хочешь извести так же, как государыня Екатерина Алексеевна своего мужа, а нашего батюшку. Он было повел порядок обстоятельной, а ныне указы выдают все бестолковые, что не можно и разобрать».⁵⁷ Прапорщик Алексей Фролов-Багреев в расстройстве от «любовной страсти» объявил товарищам: «Заварил кашу такую, которую если удастца съесть, то я буду большой человек, а естли же не удастца, то и надо мной то же сделаетца, что над Миновичем». Друзья-картежники тут же донесли; но на следствии сержант категорически утверждал допрашивавшему его Панину, что замыслил всего только избить мужа и увезти от него свой «предмет».⁵⁸

Ослабление «переворотных» настроений было связано и с изменением состава самой гвардии. Уже с первого дня нового царствования в ее ряды стали зачисляться солдаты из полевых полков. С другой стороны, сказались «высокоматерние щедроты» новой императрицы в виде денежных раздач и производств в чины. Только в одном Преображенском полку за один 1765 г. новые чины получили 9 капитанов, 17 капитан-поручиков, 21 поручик, 21 прапорщик и 23 сержанта.

К тому же, по-видимому, Иван Антонович воспринимался как законный государь лишь в гвардейской или армейской среде, являлся знаковой фигурой для «столичного» заговора — но в народе популярностью не пользовался. Там начинают появляться «Петры III» — Петр Чернышев, Гаврила Кремнев и другие; вступает в силу механизм «нижнего» (по выражению Н.Я. Эйдельмана) самозванчества. «Наверху» же подходящей фигуры до поры не было. Однако начиная с 1765 г. дела Тайной экспедиции фиксируют «появление» Павла как претендента на престол — опять-таки в той же столично-гвардейской среде.⁵⁹

В 1769 г. отставной конногвардейский корнет Илья Батюшков и подпоручик Ипполит Опочинин мечтали захватить карету императрицы на царскосельской дороге и постричь ее в монастырь. Законным наследником друга считали Павла; но Опочинин не исключал и того, что сам имеет право на престол: со слов его «мамки», он являлся сыном Елизаветы и английского короля, якобы приезжавшего в Россию инкогнито.⁶⁰

В том же году к следствию были привлечены преобращенский капитан Николай Озеров и его друзья — бывший лейб-кампанец Василий Панов, отставные офицеры Ипполит Степанов, Никита Жилин и Илья Афанасьев. Заговорщики не просто ругали императрицу и ее фаворита, критике подвергались все внутренняя и внешняя политика Екатерины. «Прямые сыны отечества» (так называли себя друзья) были возмущены тем, что не выполнены «при вступлении... разные в пользу отечества обещания, для которых и возведена на престол».

О каких обещаниях шла речь, не вполне понятно; но другие упреки звучали так: «народ весь оскорблен», «государственная казна растащена» и делаются заграничные займы, «не рассматриваны» полезные предложения Сената, «дано статским жалованье бесполезно». Гвардия пребывает «в презрении», а Орловы за границу «пиревели через аднаво немца маора двацать миллионов». В екатерининском «Наказе» «написана вольность крестьяном; это де дворяном тягостно, и буде разве уже придет самим пахать». Наконец, осуждался разрыв с Австрией, «с коею всегда было дружелюбие».

Заговорщики планировали возвести на престол Павла — при нем земли дворянам раздадут «безденежно» и ликвидируют откупа, поскольку «винный промысел самый дворянский». Екатерину же намеревались заточить в монастырь; а если бы она, как царевна Софья, пыталась вырваться оттуда, то «во избежание того дать выпить кубок, который она двоим поднесла». Озеров накануне ареста уже успел приготовить план Летнего дворца.⁶¹

Это дело интересно, пожалуй, проявившимся в документах следствия уровнем представлений гвардейских офицеров нового поколения. Круг их интересов не ограничивается чинами и «деревнями»; в него входят уже и внешняя политика, и реформа государственной службы, и состояние казны (офицеры были в курсе состоявшихся заграничных займов). В то же время их критика существующего порядка направлена под углом специфических военно-служилых интересов: императрица недопустимо «заигрывает» с крестьянским вопросом, «статским» неведомо за что дают постоянное жалование, а откупщики теснят «самое дворянское» винокурение. «Сыны отечества» (более просвещенные, чем их коллеги 1725, 1730 и 1740 гг.) считали возможным предотвратить его «падение» только с привлечением «больших людей, ... которые издавна народ любят», — К.Г.Разумовского, Ф.М.Воейкова, А.И.Глебова, графов Паниных.⁶² Из дела следует, что таких попыток не было, как не было у заговорщиков и опоры в солдатских рядах.

В этих рядах появлялись и свои «зачинщики», также не связанные с офицерами и вельможами. В 1771 г. волновались солдаты-преображенцы: они предполагали, что Орловы замыслили «искоренить гвардию», и хотели «посадить на царство Павла Петровича».⁶³

В июне 1772 г. обнаружили замыслы группы преобращенских солдат-дворян во главе с капралом Матвеем Оловянниковым. Гвардейцы не только обвиняли Орловых, якобы собиравшихся принять 10 тысяч армейских солдат «на наше место»; они хотели обратиться к Павлу с письмом (его Екатерина приказала разыскать) и предоставить ему престол. Но в предвкушении удачи у молодых солдат голова пошла кругом. Оловянников считал возможным уничтожить наследника и тут же обвинить в этом императрицу с целью оправдания ее убийства, а затем самому занять трон: «А что же хотя и меня!» Своих друзей — из которых не все «умели грамоте» — капрал производил в генерал-прокуроры и фельдмаршалы.⁶⁴ Вопреки обычному правилу, подобные беседы, как выяснило следствие, продолжались около года, и никто из привлеченных к следствию не донес.

Екатерина была обеспокоена: в папке с приговорами Тайной экспедиции находится восемь ее собственноручных записок к Вяземскому по этому делу. Помимо 22 основных участников, были арестованы еще многие, и императрица стремилась любой ценой пресечь ходившие по столице слухи. Она приказала генерал-прокурору: «Александр Алексеевич, скажите Чичерину [генерал-полицеймейстер. — И.К.], что есть ли по городу слышно будет, что многие берутся и взяты солдаты под караул, то чтоб он выдумал бы бредню, чтоб настоящую закрыть. Или же и то сказать можно, что заврались», — и в то же время отдавала указания приготовить для арестованных помещения «за рекой», если места в крепости не хватит.⁶⁵

Оловянников был лишен дворянства; на плацу перед полком его выпороли кнутом, заклеили буквой «З» (злодей) и отправили в Нерчинск на каторгу; его сообщников сослали в сибирские гарнизоны. Екатерина не смогла сдержать удивления: «Я прочла все сии бумаги и удивляюсь, что такие молодья ребятки стали в такие беспутные дела; Селехов старшей и таму 22 года»; остальным же участникам было по 17—18 лет. Едва ли самодержице приходило в голову, что дерзость 17-летних солдат была побочным результатом ее же собственной инициативы. После этого она решила «гвардию колико возможно на сей раз вычистить и корень зла истребить».⁶⁶ В значительной степени это Екатерине удалось, но помогло ей и то, что гвардейские «замешательства» уже не находили прежнего отклика в правящей верхушке.

Придворные «партии»

В начале правления Екатерины Д. Ле Донн на первое место выдвигает клан Салтыковых-Трубецких: Н.Ю.Трубецкого, его зятьев фельдмаршала П.С.Салтыкова и А.А.Вяземского, а также связанных родством с Салтыковыми З.Г.Чернышева и А.В.Олсуфьева. К другой группе относятся братья Панины и их племянник Б.А.Куракин; особое внимание этих лиц к внешней политике, по мнению исследователя, связывало их с братьями Голицыными (вице-канцлером и будущим фельдмаршалом) и со всем кланом Нарышкиных.⁶⁷

Д.Рансел выделил группировку Орловых вместе с генерал-фельдшейхмейстером А.Н.Вильбуа и возвратившимся из ссылки А.П.Бестужевым-

Рюминым. Им противостояли клан Паниных, их родственники и сторонники (Б.А.Куракин, А.И.Бибииков, П.А.Румянцев, П.Д.Еропкин), а также члены бывшей «партии» Воронцовых (М.И.Воронцов, Я.П.Шаховской, А.Р.Воронцов).⁶⁸

И.Г.Рознер и В.С.Лопатин полагают, что панинской группе противостояла, прежде всего, коалиция Орловых-Чернышевых.⁶⁹

Выше уже шла речь о трудности определения политической позиции той или иной фигуры на основе родственных связей. Многочисленные переплетения родства, очевидно, предполагали возможности выбора, который едва ли всегда определялся родовой солидарностью. Так и в данном случае нас интересует не столько создание собственной схемы придворной борьбы, сколько основные тенденции, а также роль самой Екатерины в «административной истории» царствования, о написании которой мечтал Ле Донн.

На первый план после переворота выдвинулись братья Панины и их окружение. Никита Иванович оставался воспитателем наследника, однако уже в связи с делом Хрущова и Гурьевых был назначен совместно с Глебовым управлять делами «особой важности» по ведомству бывшей Тайной канцелярии. Сосредоточенной в Померании армией вместо отстраненного Румянцева стал командовать П.И.Панин. Старшим сенатором остался зять Панина Неплюев; вслед за ними выдвигалось и младшее поколение родственников — племянник Панина Б.А.Куракин и будущий фельдмаршал Н.В.Репнин. Весьма важную роль в этой группировке играл Григорий Теплов, сделавшийся вскоре статс-секретарем императрицы.

В свое время В.А.Бильбасов жаловался на недоступность для исследователей хранящейся в Государственном архиве переписки основных участников переворота — Теплова, Панина, Бестужева, Г.Орлова.

Сейчас эти материалы доступны; сенсационных подробностей они не содержат, но дают возможность судить о тесных связях внутри придворных группировок. Так, ловкий делец Теплов быстро сменил своего недавнего покровителя, гетмана Разумовского, став доверенным лицом Панина. Его переписка показывает, что Теплов подробно информировал Никиту Ивановича о процессе законотворчества: какие указы состоялись, как были исправлены Екатериной, кому посланы копии, кто и когда ходит к императрице с докладом. В свою очередь, к Теплову адресовался с докладами и просьбами Неплюев, озабоченно сообщавший, что «о патроне нашем многие ложные мнения признаваютца от зависти».⁷⁰

На другом полюсе придворного мира находились Орловы. Сам фаворит не был силен в интригах; но на него «поставил» возвращенный из ссылки бывший канцлер Бестужев-Рюмин. Его многочисленные записки и письма к фавориту говорят, что Бестужев пытался таким образом «провести» самые разнообразные дела. Он добивался льгот для «фабрикана» Пастухова, желал определить президента в Рижский магистрат, просил о «протекции» для некоего коллежского советника Сукина, награждении архитектора Растрелли, а заодно — о финансовом «вспоможении» лично себе, поскольку кредиторы «неучтиво» требовали от него уплаты долгов.⁷¹

«Поле битвы» придворных группировок стала внешняя политика, о чем свидетельствуют ответы советников Екатерины на поставленные императрицей в июле 1762 г. вопросы о ее приоритетах и выборе союзника.⁷² Провал первой международной инициативы нового царствования (попытка посредничества между Пруссией и Австрией) стал платой за неуклюжую политику покойного Петра III. Надо было заново определять курс, и в окружении императрицы выявились принципиальные разногласия.

Бестужев осуждал отход от «старой русской политической системы» и к весне 1763 г. подготовил «великий проект» русско-австрийского союза, о чем неоднократно сообщал имперскому послу Мерси.⁷³ Панин же накануне нового 1763 г. в беседе с прусским дипломатом графом Виктором Сольмсом дал понять, что союз с Пруссией для России является более предпочтительным. Сделал это он так убедительно, что его собеседник доложил в Берлин: «Даже подкупленный министр не мог бы говорить более доверчиво».⁷⁴ Вслед за тем в августе 1763 г. начались и переговоры о заключении нового союзного договора.

Лето и осень стали временем ожесточенных битв за контроль над внешней политикой империи и за влияние на императрицу. Весной 1763 г. Бестужев резко усилил свой «кредит»: он взялся за дело заключения брака Екатерины и Григория Орлова. Он обещал австрийскому дипломату, что скоро свергнет Панина, — но уже в августе жаловался (как Мерси, так и его сопернику Сольмсу), что его не ценят и платят всего 20 тысяч рублей в год.⁷⁵ Новое обострение борьбы совпало со смертью в октябре 1763 г. короля Августа III.

Собравшаяся по этому случаю конференция явно не поддержала Панина, но и выступление Бестужева в поддержку саксонского кандидата не увенчалось успехом. И все же сообщения иностранных дипломатов свидетельствуют о том, что Бестужев постепенно утрачивал свои позиции. В раздражении старый дипломат в беседе с английским послом позволил себе открыто не одобрять действий российского двора и предупредил собеседника о вскрытии его корреспонденции.⁷⁶ Австрийскому послу он демонстрировал свою переписку с Екатериной в качестве знака прочного положения при дворе и ему же во хмелю заявил, что сам-то он больше ценит союз с Англией.⁷⁷

Но в октябре того же года Бестужев раскрыл Мерси предстоящее выдвижение кандидатуры Станислава Понятовского, рассказал о переговорах с Пруссией, а заодно сообщил о переводах Екатериной денег за границу. После отъезда Мерси Бестужев продолжал переписку с ним, на основании которой австрийский дипломат не только действовал в поддержку саксонского курфюрста, но и предполагал возможность переворота в самой России в пользу Ивана Антоновича.⁷⁸

Бестужев не смог повторить счастливую для него ситуацию 40-х гг.: атмосфера 60-х гг. не дала возможности безгласно осуществить комбинацию с браком Екатерины. Впрочем, здесь был «виноват» и сам кандидат в мужья императрицы. Дипломаты дружно отмечали его неспособность и нежелание вникать в дела, на что жаловался и сам Бестужев. Фаворит

не знал французского языка и стеснялся придворного круга, предпочитая ему «собак и охоту»; при случае мог в изысканном кругу вельмож похвастаться тем, как в одиночку ходил на медведя.⁷⁹ В обществе Орлова насмешливо называли «кулачным бойцом» и, кажется, держали за весьма недалекого малого.⁸⁰

Лихой гвардеец не смог вписаться в стиль фаворита новой эпохи, требовавшей образованности, внешнего лоска и деловых качеств. Григорий и его братья годились для переворотной «акции» или для поля боя, но не подходили на роль секретарей-помощников императрицы, почитателей идей Просвещения или поклонников изящных искусств. Не давалось фавориту и искусство политической интриги. При обсуждении кандидатуры Понятовского на польский трон он сначала обложил своего предшественника «ругательными именами», а затем признался Екатерине, что сделал это с подачи Бестужева-Рюмина.⁸¹

Оба союзника — Бестужев и Орлов — олицетворяли собой прошлое: один — дипломатическую «систему» 40-х гг. XVIII в.; другой — тип вышедшего «из народа» фаворита-«бойца» в стиле Разумовского. Но судьба их сложилась различно. Екатерина не только не рассталась с фаворитом, но и направила карьеру преданных ей Орловых по назначению: на охрану трона. В 1764—1765 гг. Григорий стал генерал-аншефом и подполковником Конной гвардии, шефом Кавалергардского корпуса и генерал-фельдцейхмейстером; его брат Алексей — премьер-майором, а затем и подполковником Преображенского полка (в 1767 г.). Позднее Алексей Орлов сумел себя показать во время экспедиции русского флота в Средиземное море, а Григорий — при успокоении Москвы после «Чумного бунта» 1771 г.

Время же Бестужева и его внешнеполитической системы с жесткой ориентацией на союзы с Англией и Австрией ушло. Панин еще осенью 1763 г. сетовал на противодействие «австрийской партии», но 27 октября он был назначен «старшим членом» Коллегии иностранных дел и занимал этот пост почти двадцать лет. Однако являлось ли это назначение для Панина безусловной победой? Ведь в предполагавшемся им Императорском совете он должен был занять пост статс-секретаря по делам внутренним. Вероятно, новое назначение деликатно устраняло возможные претензии на роль «первого министра» и одновременно заставляло Панина считаться с амбициями военных — эти ведомства контролировались его политическими противниками Чернышевыми.⁸² Имя же Бестужева с конца 1763 г. исчезает из депеш иностранных дипломатов.

Фактическое крушение задуманной Паниным «Северной системы» (попытки создания в 1763—1767 гг. союза России, Пруссии и Англии с подключением Дании, Швеции и Речи Посполитой в противовес блоку Австрии, Франции и Испании⁸³) в начале 70-х гг. вместе с усилившимися подозрениями в адрес Панина как идейного наставника Павла стали началом конца его влияния. Но все это было позже. В начале же 60-х гг. уход Бестужева рассматривался историками как победа Панина и его «партии». ⁸⁴ Но и с этой «партией» у Екатерины складывались непростые отношения: в руках Панина находился сын и одновременно соперник императрицы Павел.

Главной внутривластной инициативой Панина стал проект создания нового Императорского совета, подготовленный им вскоре после переворота и получивший противоречивые оценки в литературе. С одной стороны, в нем видели «реставрацию» Верховного Тайного совета⁸⁵ или повторение попытки ограничения самодержавия с «олигархическими тенденциями». ⁸⁶ С другой — еще В.О.Ключевский полагал, что Панин не посягал на права монарха: проект предусматривал, прежде всего, создание «законодательной мастерской» с оформленным порядком делопроизводства, которая, в отличие от Совета образца 1730 г., не имела административно-распорядительных, судебных и контрольных функций. Близкие к этой точке зрения содержатся и в более поздних исследованиях.⁸⁷

В обтекаемом и «тягучем» панинском документе можно выделить две основные части. В первой содержатся часто цитируемые инвективы против фаворитов. Панин внушал Екатерине, что после смерти Петра I «временные порядки и узаконения» привели к господству «припадочных и случайных людей» и даже вызвали «потрясения» 1730 г. Но в итоге министр делал вывод: самодержавную власть нельзя «в полезное действие произвести» иначе, «как разумным ее разделением между некоторым малым числом избранных к тому единственно персон».

Вывод как будто не вполне логичный; но Панин не посчитал нужным его обосновывать дополнительно — хотя бы усложнением структуры самой государственной машины или возросшим количеством дел. Зато он указывал образец оптимального, по его мнению, устройства: Кабинет эпохи регентства 1740—1741 гг. О Верховном Тайном совете в докладе нет ни слова, а Конференция Елизаветы охарактеризована негативно — как «гнездо прихотей» фаворитов и безответственное учреждение-«монстр». Но Панин укорил «бывшего императора Петра III» за вступление на престол без какого-либо «собрании верховного правительства». Такой подход в принципе ставил под сомнение легитимность перехода власти к законному наследнику без посредства подобного института — не так ли все происходило и в 1730 г.?

Вторая часть — проект собственно манифеста — излагает организацию и ведение дел новым Советом. Она разработана более четко с целью «неколебимо утвердить форму и порядок, которыми под императорской самодержавной властью государство навсегда управляемо быть может». Покушений на самодержавие в документе нет: монарху принадлежит «последняя резолюция» по обсуждаемым вопросам; заключительный 11-й параграф еще раз подтверждал: из Совета не могут исходить никакие указы «иначе, как за собственноручным монаршим подписанием».

Но в предлагаемой «форме и порядке» функционирования Совета есть явные пробелы. Панин допускал, что фактические руководители его департаментов — статс-секретари — не обязательно должны являться членами Совета, но в то же время могли быть сенаторами или президентами коллегий и, следовательно, самостоятельно «выходить» на императрицу с любыми делами, минуя Совет. Никак не оговорены в проекте порядок назначения и смещения членов Совета, его взаимоотношения с Сенатом и другими учреждениями. Само «контрасигнование» указов и прочих ак-

тов соответствующим статс-секретарем из текста можно понимать и так, что статс-секретарь просто обязан был подписать указ, независимо от своего к нему отношения.

Наконец, в 4-м параграфе манифеста компетенция Совета охарактеризована общей и не вполне вразумительной фразой: «Все дела, принадлежащие по уставам государственным и по существу самодержавной власти нашему собственному попечению и решению». Однако такой перечень все же оказался «спрятанным» ниже в менее важном параграфе 9 о «правителе канцелярии» и включал «именные повеления об определении к местам, о произведении, о милостях и награждениях из того же совета».⁸⁸

Неудачные примеры и умолчания производят странное впечатление. Искренне ли верил Панин в указанный им образец — Кабинет 1741 г. — или судил о нем формально, с точки зрения указа от 28 января 1741 г., вводившего разделение дел «по департаментам»? Дневник воспитателя наследника и подчиненного Панина С.А. Порошина показывает, что Никита Иванович отлично знал новейшую историю России. В кругу собеседников он раскрывал «настоящую причину» смерти Петра I, пересказывал «дело» Волынского, рассуждал о «тиранствах» и «революциях при Анне Иоанновне и по смерти ее», о «придворных обстоятельствах» времен Елизаветы.

Но если так, то неужели Панин не знал о ссорах и интригах в правление Анны Леопольдовны, бездарно потерянной этим Кабинетом и правительницей власти; наконец, о разрыве Анны с мужем и ее фаворите Линаре — после всех своих обличений фаворитизма?

Важен и другой вопрос: насколько можно самого Панина считать конституционалистом, пусть даже «в аристократическом прочтении»? Проект содержал действительно новое и важное положение об ответственности министров-советников не только перед монархом, но и перед «публикой» (хотя под «публикой» Панин полагал довольно узкий круг «генералитета»)⁸⁹. Но в остальном, кажется, Никита Иванович, несмотря на критику «силы персон», оставался просвещенным придворным-«елизаветинцем» — с известным «тяготением к конституционализму», по удачному выражению одного из современных исследователей.

В беседе с Бретеилем Панин предполагал пожизненный статус членов проектируемого им Совета; право же смещать их передавалось общему собранию Сената, становившегося, таким образом, арбитром между монархом и его советниками.⁹⁰ Дневник Порошина зафиксировал его любопытный отзыв о деле Лопухиных и «владении императрицы Анны Иоанновны»: «Ежели бы и теперь их братье боярам дать волю и их слушаться, то б друг друга и нынче сечь и головы рубить зачали».⁹¹

Скепсис Панина в отношении «воли» вроде бы свидетельствует, что он не видел в деятелях прошлого и настоящего носителей «конституционной» традиции. Возможно, результаты переворота прибавили Панину сомнений в способности современных «бояр» воспринимать подобные идеи — что подтверждалось оппозицией его весьма умеренному проекту 1762 г. Как участник созданной в 1763 г. Комиссии о вольности дворянства, Панин был вполне солидарен со своими коллегами в защите со-

словных привилегий; но каких-либо его предложений об установлении «фундаментальных» законов и их гарантий со стороны самодержца (о чем когда-то мечтал И.И. Шувалов) до нас не дошло. Поэтому нам представляется обоснованной точка зрения о том, что целью Панина было установление соправительства Екатерины и Павла,⁹² где, добавим, сам он играл бы роль третьего человека в государстве.

В таком случае остается согласиться с мнениями тех историков, кто считал, что проект Панина 1762 г. предполагал освободить императрицу от забот и обезопасить верховную власть от слишком явного влияния фаворитов.⁹³ Тогда и вправду не стоило составлять более продуманный текст и искать более удачные образцы. Елизаветинское правление можно было осудить (Екатерина была его свидетельницей и в каком-то смысле жертвой), а предшествовавшую эпоху выставить в ином свете и предложить Екатерине царствовать при участии влиятельного Совета.

Но неужели Панин в 1762 г. действительно **видел** в Екатерине вторую Анну Леопольдовну — просвещенную иноземную принцессу, способную на устранение постылого мужа (не так ли собиралась поступить и Анна в конце 1741 г.?), но неспособную взвалить на себя бремя повседневного управления страной? Или сама Екатерина внушила министру — и не только ему — именно **такое** мнение о себе? Не исключено, что это у нее получилось. Беранже был свидетелем, как не слишком трезвый А.П. Бестужев-Рюмин на людях поучал императрицу.⁹⁴ А почему бы и нет, если сама Екатерина в 1762 г. обращалась к нему не иначе, как к «батюшке Алексею Петровичу», и просила советов?⁹⁵ Канцлер Воронцов искренне изумлялся тому, что императрица сама вникала в депеши российских послов.

Но если Бестужев был с почетом отстранен от дел, то Панин остался. Он был нужен императрице не только как опытный дипломат, но и как доверенное лицо по части Тайной экспедиции. Кроме того, у Панина «на руках» был важный козырь — законный наследник. Авантюра капрала Оловянникова имела место как раз в год, когда наследнику исполнялось 18 лет; из нуждающегося в опеке ребенка он превращался в соперника императрицы.

К этому времени воспоминания декабриста М.А. Фонвизина относят начало заговора братьев Паниных с целью воцарения Павла, раскрытого благодаря предательству секретаря Панина П.В. Бакунина. В литературе рассматривается вопрос не только о реальности самого заговора, но и о существовании так называемой «конституции Панина-Фонвизина» — проекта политических преобразований, которые должен был произвести молодой император. Одни исследователи признают наличие подобного заговора или, по крайней мере, считают сообщение декабриста «отголоском» реальных событий;⁹⁶ другие отрицают эту возможность.⁹⁷

Мы не располагаем данными, которые могли бы подтвердить или опровергнуть рассказ Фонвизина. Но придворная атмосфера в то время в условиях нараставшего на востоке империи бунта была тревожной. Зажатый наблюдатель, писатель-энциклопедист Дени Дидро на рубеже 1773—1774 гг. делился со своей царственной собеседницей впечатлениями: «В душе ваших подданных есть какой-то оттенок панического страха — долж-

но быть, следы длинного ряда переворотов и продолжающегося господства деспотизма. Они точно будто постоянно ждут землетрясения и не верят, что земля под ними не качается».⁹⁸

Однако десятилетие, прошедшее со времени «революции» 1762 г., показало, что российское «переворотство» постепенно выдыхается. Павел мог стать «объектом» устремлений и «нижнего» самозванчества, и «верхнего» переворота. Однако гвардейские «замешательства» были сами по себе не опасны без руководства со стороны круга высших офицеров и вельмож, а «большие люди» уже не считали для себя уместным такой путь политического действия в условиях екатерининского царствования: Панин стремился сделать Павла соправителем легальным путем и отвергал «силовые» варианты.⁹⁹ Шансы Павла на захват трона оценивались скептически даже благожелательными по отношению к нему наблюдателями. Прусский посол Евстафий фон Герц докладывал Фридриху II: «Можно быть уверенным, что он никогда не склонится к перевороту, никогда никаким, даже самым косвенным образом не будет ему способствовать, даже если бы недовольные, в коих нет недостатка, затеяли таковой в его пользу».¹⁰⁰

Новый план преобразований сложился у Паниных и их воспитанника только к началу 80-х гг., когда и Никита Иванович, и его брат уже не играли руководящих ролей в правительстве. Согласно этим планам, Сенат становился выборным, на основе дворянских собраний, учреждением и как высший судебный орган обеспечивал контроль за соблюдением законов в стране с правом представления монарху на издаваемые им акты. Н.И.Панин считал необходимым и «согласие государства» на законодательную деятельность монарха, но этот пункт не был автором прояснен. Непосредственное же управление сосредотачивалось в «Министерском» совете из возглавлявших отдельные отрасли высших чиновников.¹⁰¹

Необходимость закона о престолонаследии была выношена «эпохой дворцовых переворотов» и вновь встала на повестку дня после 1727 г. Еще одно панинское предложение — о создании «министерского» («государева») Совета — являлось шагом к более эффективной системе управления, но никакого «конституционного» начала в себе не несло. Впрочем, и Павел отказался от создания полновластного Сената и отдал предпочтение принципу максимально жесткой централизации власти.¹⁰²

На наш взгляд, главный пункт «панинско-павловского» проекта о выборном «законохранящем» Сенате обращен не столько в будущее, сколько в прошлое: он воспроизводил ту же идею создания представительного и контрольного органа, которая впервые появилась в шляхетских «прожектах» 1730 г. Эту же восходящую к 1730 г. мысль о полновластном Сенате вновь предлагали в 1801 г. Г.Р.Державин и П.А.Зубов. По их проекту, кандидатов в члены этого учреждения должно было избирать «собрание знатнейших государственных чинов» и чиновников 5-го класса.¹⁰³

Сознание необходимости качественно нового государственного устройства на основе «непременных законов» и гарантий их исполнения было уже следующим этапом развития общественной мысли. Проявилось оно тогда же, в начале XIX в., и было генетически связано с прошлым в набросках и проектах молодого М.М.Сперанского и брата екатерининского фаворита В.А.Зубова.¹⁰⁴

Как раз в это время, когда шансы на получение власти (легальным или «переворотным» путем) были утрачены, образ справедливого Павла-наследника стал перемещаться из придворных сфер на «улицу». В 80-е гг. количество самозванных «Петров III» сокращается, но зато появляются первые дела Тайной экспедиции о самозванцах или о «посланцах» Павла, оказавшихся неразборчивыми авантюристами.¹⁰⁵

Механизм власти

За проходившей на авансцене борьбой придворных «партий» вырисовывается более серьезная проблема создания надежной и работоспособной структуры управления. Панинский проект Императорского совета был отклонен: вместо него в начале 1763 г. была сформирована Комиссия о вольности дворянства, составленная из тех же 8 человек, которые предполагалось включить в Совет (Н.И.Панин, Г.Г.Орлов, А.П.Бестужев-Рюмин, З.Г.Чернышев, К.Г.Разумовский, М.Н.Волконский, Я.П.Шаховской, М.И.Воронцов).¹⁰⁶ Однако доклад этой комиссии с предложением введения «неколебимого устава» о правах дворян (включавшего, в том числе, отмену петровской «Табели о рангах» в части получения дворянства разночинцами, запрещение конфискации дворянских владений, свободный выезд и службу дворян за границей) также не был утвержден.

Новым шагом в этом направлении стала реформа Сената, которая не раз уже рассматривалась в литературе. Однако персональный состав Сената, насколько нам известно, еще не изучался.¹⁰⁷ Попытаемся проследить эти изменения на протяжении первых семи лет нового царствования — 1762—1769 гг.¹⁰⁸ Перед переворотом Сенат состоял из 13 лиц. Большинство из них, кроме А.Д.Голицына, И.В.Одоевского, А.Б.Бутурлина и М.И.Воронцова, стали сенаторами в 1760 г.: Н.Ю.Трубецкой, Р.И.Воронцов, А.И.Шувалов, И.И.Неплюев, И.О.Брылкин, А.Г.Жеребцов, И.И.Костюрин; П.С.Сумароков и брат канцлера И.И.Воронцов были назначены Петром III. Еще один сенатор, П.Г.Чернышев, занимал пост посла в Париже.

Екатерина уже в день переворота ввела в его состав группу своих сторонников из числа гвардейских и армейских генералов (Ф.И.Ушаков, М.Н.Волконский, В.И.Суворов), а также «статских» и придворных чинов (Н.А.Корф, Н.И.Панин, К.Г.Разумовский, П.Б.Шереметев). Вместе с ними в Сенат вошли отстраненные от дел видные министры елизаветинского царствования — Я.П.Шаховской, А.П.Бестужев-Рюмин, М.М.Голицын (см. Приложение, Таблица 3). Из последних только престарелый генерал-адмирал М.М.Голицын оказался неспособным к работе и в том же году получил отставку. Других же отставок и тем более каких-либо репрессий не последовало.

Уже в 1762 г. Екатерина предполагала осуществить обновление кадров государственного аппарата. Сохранились ответы ее ближайших сподвижников, которым императрица предложила дать оценку работы высших чиновников. М.Н.Волконский от задания уклонился и объявил, что, находясь всю жизнь в военной службе, «у штатских дел людей узнать случаю мало имел». Опытный И.И.Неплюев, напротив, дал четкие отзывы о

президентах и вице-президентах коллегий. Так, по его мнению, возглавлявший Ямской приказ генерал Л.Овцын и президент Берг-коллегии И.Шлаттер находились на своих местах, глава Камер-коллегии Д.И.Кочетов являлся явно «неспособным», а президенты Юстиц- и Ревизион-коллегий Ф.Кнутов и Б.Шербачев «не имеют репутации дельного человека». ¹⁰⁹ Екатерина прислушалась к этим отзывам, поскольку наиболее «неспособные» чиновники в дальнейшем были сменены.

В 1762 г. уволили только бывшего камердинера Петра III А. де Брессана с должности президента Мануфактур-коллегии; его заменил пострадавший вместе с Бестужевым в 1758 г. В.Е.Адогуров. В следующем году императрица готовила секуляризационную и сенатскую реформы и не спешила с новыми назначениями: в Сенат вернулся только П.Г.Чернышев, младшие братья которого заняли руководящие места в военном и адмиралтейском ведомствах. А.С.Козловского на посту обер-прокурора Синода сменил директор Московского университета И.И.Мелиссино. Коллегию экономии возглавил энергичный племянник Н.И.Панина Б.А.Куракин.

Замены начались со второстепенных ведомств. С.Ф.Протасов стал новым начальником Соляной конторы. Преобразованную в коллегию Медицинскую канцелярию возглавил камергер А.И.Черкасов, Судный приказ — статский советник А.Афросимов. Зато начался плавный уход ключевых фигур двух предшествовавших царствований: в январе полную отставку получил бывший глава Тайной канцелярии А.И.Шувалов, в июне — дотоле бессменный Н.Ю.Трубецкой; в августе 1763 г. в долгосрочный отпуск отправился канцлер М.И.Воронцов.

Уход М.М.Голицына, Н.Ю.Трубецкого и М.И.Воронцова означал смену руководства в трех «первейших» коллегиях. На смену Трубецкому в апреле 1763 г. в Военную коллегию был назначен вице-президентом З.Г.Чернышев. Последнему Екатерина преподнесла урок: в декабре опрометчиво попросивший отставку генерал тут же получил ее и был принят обратно только после униженных объяснений.

Вслед за президентом на протяжении 1763 — начала 1764 гг. сменился и состав коллегии: в отставку ушли аншеф С.Ф.Волконский и генерал-лейтенанты В.И.Лопухин и С.И.Караулов. ¹¹⁰ В это же время Екатерина осуществила (очевидно, в качестве «ответа» на такую же акцию Петра III) массовое чинопроизводство в армии: на протяжении 1762—1763 гг. она пожаловала 11 генерал-аншефов, 16 генерал-лейтенантов и 42 генерал-майора. ¹¹¹

Морское ведомство формально возглавил произведенный в декабре 1762 г. в генерал-адмиралы наследник Павел. Реально же главным лицом в Адмиралтействе стал неожиданно пожалованный в марте 1763 г. вице-адмиралом придворный и дипломат И.Г.Чернышев; протоколы коллегии показывают, что именно он объявлял присутствующим императорские повеления. Контр-адмирал Ф.С.Милославский был сделан в 1763 г. сенатором. В 1763 г. были отправлены в отставку контр-адмирал Н.Г.Лопухин и генерал-кригс-комиссар В.И.Ларионов; в 1764 г. — вице-адмирал С.М.Мещерский. В том же 1764 г. скончались главнокомандующий флотом адмирал А.И.Полянский и вице-адмирал П.Г.Кашкин, в 1765 г. вышел в отставку адмирал И.Л.Талызин. ¹¹²

Была решена и судьба канцлера М.И.Воронцова. Уже весной 1763 г. он жаловался в письмах к племяннику Александру, что не может видеть «очи ее величества». В августе старый дипломат был с почетом отправлен в длительный отпуск за границу: он не только сохранил звание канцлера, но и добился от казны уплаты его долгов и покупки его дома. После назначения Панина «старшим членом» Коллегии иностранных дел Воронцов к делам более не вернулся и окончательно ушел в отставку в 1765 г.

Одновременно начались первые перестановки среди местного начальства (см. Приложение, Таблица 2). Потеряли свои посты фигуры, замеченные в слишком неприкрытых злоупотреблениях: смоленский губернский И.З.Аршеневский и его белгородский коллега Г.И.Шаховской. В Смоленск были отправлены генерал-аншеф В.В.Фермор и генерал-майор М.С.Козловский. В Москву вместо назначенного Петром III А.Б.Бутурлина был назначен другой фельдмаршал — П.С.Салтыков, а в Оренбург — Д.В.Волков. Появились новые губернаторы в Сибири (генерал-майор Д.И.Чичерин), Архангельске (генерал-майор Е.А.Головцын) и Астрахани (генерал-майор Н.А.Бекетов).

Переломным годом для нового режима стал 1764-й. Он ознаменован не только церковной реформой, устранением шлиссельбургского «конкурента» Екатерины и гвардейских волнений; именно тогда состоялись массовые перестановки в системе управления. В рамках реформы Сената в нем появились новый генерал-прокурор и значительное пополнение из 14 человек (см. Приложение, Таблица 3).

Среди них находились как опытные «штатские» (Н.М.Желябужский, С.Ф.Протасов, И.И.Дивов, Ф.И.Соймонов), так и военные (П.С.Салтыков, В.В.Фермор) администраторы елизаветинских времен. Сенаторами стали и люди нового поколения: «ученик» самой Екатерины А.А.Вяземский, Б.А.Куракин, А.В.Олсуфьев, П.Н.Трубецкой. Обер-прокурорами Сената стали недавние заговорщики Ф.Г.Орлов и В.А.Всеволодский. ¹¹³

В дальнейшем пополнение Сената шло уже более плавно. В 1765 г. в него вошли возвращенный из ссылки А.П.Мельгунов и П.Д.Еропкин, в 1766 г. — старый генерал и губернатор И.Ф.Глебов и молодой полицеймейстер Петербурга Н.И.Чичерин, в 1767 г. — группа опытных чиновников вместе с братом генерал-прокурора И.А.Вяземским; в 1768 — статс-секретари Екатерины И.П.Елагин и Г.Н.Теплов, участник переворота камергер М.С.Похвиснев и прощенный Д.В.Волков.

Параллельно шел обратный процесс: в течение 1764—1768 гг. Сенат покинули не только те, кто заседал в нем до воцарения Екатерины, но и большинство назначенцев 1762 г., т.е. те, кому императрица в известном смысле была обязана властью и с кем должна была считаться. Бестужев оставался сенатором до самой смерти, однако «кредит» старого канцлера упал окончательно. Попытка гетмана К.Г.Разумовского сделать свой пост наследственным закончилась почетной отставкой в ноябре 1764 г. и (как в случае с И.И.Шуваловым и М.И.Воронцовым) заграничным путешествием. Ушли в отставку Неплюев, Корф, Шереметев, Шаховской, Суворов, а вместе с ними и некоторые пожилые сенаторы «призыва» 1764 г.: И.И.Дивов, В.В.Фермор, Ф.И.Соймонов.

В апреле 1764 г. новые президенты были назначены в шесть коллегий (см. Приложение, Таблица 1); только И.А.Шлаттер (Берг-коллегия) и М.К.Луниин (Вотчинная коллегия) сохранили свои посты. В следующем году было обновлено руководство Ямской канцелярии (Л.Я.Овцына сменил генерал-майор А.Л.Щербачев) и Главного магистрата (его возглавил камер-юнкер, участник переворота 1762 г. Г.Г.Протасов). А.П.Мельгунов сменил на посту президента Камер-коллегии умершего Б.А.Куракина, а его же (Куракина) место в Коллегии экономии занял камергер С.В.Гагарин.

В том же 1764 г. произошли замены губернаторов в 7 губерниях (см. Приложение, Таблица 2); причем Д.В.Волков и В.В.Фермор возвратились и были назначены, соответственно, в Мануфактур-коллегию и Сенат. Пометки императрицы на апрельском докладе Сената о заполнении должностей показывают, что она тщательно взвешивала решения и делала свой выбор: назначения Д.В.Волкова, генерал-полицеймейстера Н.И.Чичерина, А.Н.Квашнина-Самарина (казанским губернатором), С.Ф.Ушакова (петербургским губернатором) были сделаны ею самостоятельно, вопреки другим предложенным кандидатурам.¹¹⁴

Кадровое обновление первых лет екатерининского царствования было связано не только с целенаправленными действиями самой верховной власти. Они совпали по времени с процессом естественного обновления правящей элиты. Наряду с указанными выше отставками, можно отметить и завершение жизненного пути видных представителей послепетровской России.

В 1764 г. умерли генерал-адмирал М.М.Голицын-младший, дипломат Г.К.Кейзерлинг, премьер-майор гвардии А.А.Меншиков, адмирал А.И.Полянский; в 1766 г. — бывший канцлер и фельдмаршал А.П.Бестужев-Рюмин; генерал-аншеф, сенатор и «директор над полициями» Н.А.Корф; сенатор и подполковник Преображенского полка Ф.И.Ушаков, дипломат и бывший президент Академии наук И.А.Корф; в 1767 г. — фельдмаршалы А.Б.Бутурлин и Б.Х.Миних; бывший генерал-прокурор, фельдмаршал и подполковник гвардии Н.Ю.Трубецкой; канцлер М.И.Воронцов, митрополит Дмитрий Сеченов, сенатор С.Ф.Протасов, бывший лейб-медик Арман Лесток; в 1768 г. — генерал-аншеф В.В.Фермор, подполковник Конной гвардии П.Б.Черкасский; сенатор А.Д.Голицын, обер-гофмейстер Х.В.Миних, многолетний президент Берг-коллегии И.А.Шлаттер.

Замыкал эту плеяду человек, чье имя стало нарицательным для целой эпохи, — Эрнст Бирон. Первый «настоящий» фаворит ушел также вполне «по-европейски»: в 1769 г. он отправился на заслуженный покой с поста герцога Курляндии, передав его сыну Петру. Старый Бирон скончался в собственном дворце в 1772 г., а годом раньше из жизни ушел его добродушный преемник А.Г.Разумовский.

Вместе с ними сходили со сцены представители младшего поколения петровских «птенцов» и те, чья карьера протекала уже после смерти преобразователя. Это они творили «эпоху дворцовых переворотов», становились ее героями и жертвами, создали «дух» своего времени, его «партии» и его мораль. Но теперь они уходили вместе со своей эпохой и, кажется, осознавали эту свою «особость», отличие от нового поколения. На просьбу Екатерины II рекомендовать кого-либо на свое место старик И.И.Неп-

люев ответил: «Нет, государыня, мы, Петра Великого ученики, проведенны им сквозь огонь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а ныне инако воспитываются, инако ведут себя и инако мыслят; итак я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться».¹¹⁵

На смену им шли «екатерининские орлы» — ровесники и младшие современники императрицы: ее полководцы (П.А.Румянцев, А.В.Суворов, Н.В.Репнин, М.В.Каховский), администраторы (А.А.Вяземский, А.И.Бибииков, Г.А.Потемкин, Я.В.Брюс, А.Р.Воронцов, Я.Е.Сиверс, П.Д.Еропкии, Г.Р.Державин), дипломаты (А.А.Безбородко, Д.А.Голицын, С.Р.Воронцов); вместе с ними — целое поколение «инако воспитанных» дворян, которые могли выражать свой патриотизм, не напиваясь до бесчувствия во дворце и не заверяя в своей неспособности к чтению книг. Для них привычными становились чувство собственного достоинства, чести, а то и независимости, в том числе даже от высочайших милостей.

Екатерине пришлось строить отношения именно с этим поколением; надо признать, что с этой задачей она справилась успешно. Четверть века спустя после переворота она с гордостью могла сказать своему статс-секретарю Храповицкому: «Во время моего владения многое переменялось». Слова эти относились к гвардии, но на деле во многом изменился и сам механизм управления монархии.

Остался специфический придворный мир с его интригами и закулисными «изворотами». Расширилась и практика выдачи «пенсий» из кабинетских сумм, доходивших до 500 тысяч рублей в год: «Тут убавить нечего, хотя б и нужно было», — полагала императрица даже во время серьезных финансовых трудностей в 1788 г.¹¹⁶ Однако навсегда исчезли былые всеисильные обер-камергеры и обер-егермейстеры, вроде отца и сына Долгоруковых, Разумовского и Бирона, или генерал-адъютанты типа П.И.Шувалова. Высшие придворные Екатерины (Л.А., А.А. и С.К.Нарышкины, П.Б.Шереметев, И.И.Шувалов, М.К.Скавронский) — важные вельможи, но все они отстранены от государственных дел и замкнуты в своей сфере.

Не стало больше и полунезависимых советов, подобных «верховникам» 1726–1730 гг. и министрам Кабинета 1731–1741 гг. Совет при высочайшем дворе Екатерины не обладал и тенью самостоятельности: императрица решала массу дел помимо него, по докладам Сената, коллегий и других мест. В «связке» «императрица — Совет» (или преобразованный и послушный, но сохранивший определенную компетенцию Сенат) заметно выросла роль фаворитов, но их статус в новой системе был уже иным.

«Случай» при Екатерине — это не право на произвол и исключительное влияние. Практичная императрица не только требовала от своих фаворитов соблюдения правил («будь верен, скромн, привязан и благодарен до крайности»), но и считала необходимым приобщать их к государственным делам. Кроме того, фаворитизм являлся также каналом общения с «благородными» подданными и своеобразным «демократическим» способом приобщения к элите. «Частая смена фаворитов каждого льстила, видя, что не все были гении, почти все из мелкого дворянства и не получившие тщательного воспитания»,¹¹⁷ — так смотрели люди эпохи Екатерины II на «известную должность» или «место» в дворцовых покаях

со своим кабинетом и непрременным кругом обязанностей, по способностям каждого.

Способности, как известно, были различными. Григорий Орлов ходил на медведей и командовал кавалергардами; Петр Завадовский управлял Заемным банком и проводил школьную реформу; Александр Дмитриев-Мамонов сочинял пьесы, а Иван Римский-Корсаков играл на скрипке и, по компетентному мнению Екатерины II, был призван служить моделью для живописцев и скульпторов.

Идеальной фигурой фаворита-сотрудника стал Г.А.Потемкин — не только военный министр и генерал-губернатор Новороссии. Однако и титул последнего из фаворитов Екатерины, Платона Зубова, свидетельствует о широких и разнообразных обязанностях любимца: «Светлейший князь, генерал-фельдмаршал, над фортификациями генерал-директор, главноначальствующий флотом Черноморским и Азовским и Черноморским казачьим войском, генерал-адъютант, шеф кавалергардского корпуса, Екатеринославский, Вознесенский и Таврический генерал-губернатор, член Военной коллегии, почетный благодетель императорского воспитательного дома и почетный любитель Академии художеств».

Место «слова и дела» заняли более гибкие методы контроля над настроениями и намерениями элиты, хотя начальника Тайной экспедиции С.И.Шешковского императрица по-прежнему принимала во дворце. К концу царствования регулярным занятием Екатерины становится чтение перлюстрации иностранной и внутренней почты, не исключая корреспонденции самых высокопоставленных лиц, в том числе наследника.¹¹⁸ В столицах появились профессиональные информаторы, следившие за подозрительными, с точки зрения властей, фигурами. Их глаза и уши незримо присутствовали и во дворце.¹¹⁹

Принципиально иной стала «смена караула» в политических «верхах». Перечисленных в этой главе фактов вполне хватило бы для обвинения бывшего канцлера Бестужева в измене и последующей заслуженной ссылки. Но Екатерина демонстрировала обществу новую «технику» ротации кадров: отныне проигравших схватку за власть вельмож и вышедших из «случая» фаворитов впервые в русской политической истории XVIII в. (если не считать отставки в 1741 г. Миниха, которая все-таки не уберегла фельдмаршала от осуждения) стали «уходить» с почетом.

Таким «отставникам» (Бестужеву, Воронцову) императрица не только выплачивала известные суммы, но и покупала в казну их дома, чтобы помочь рассчитаться с долгами;¹²⁰ с пенсией в 60 тысяч рублей и дворцом в Батурине был отставлен от гетманства К.Г.Разумовский.

Отстранение от дел и даже опала теперь не означали безвозвратного крушения карьеры. К активной деятельности и высоким постам вернулись бывшие приближенные Петра III Д.В.Волков и А.П.Мельгунов и «проштрафившийся» сподвижник Екатерины по 28 июня К.Г.Разумовский; устранный из Сената А.И.Глебов впоследствии стал генерал-губернатором Белоруссии, а отставной фаворит П.В.Завадовский — крупным чиновником.

К концу первого десятилетия правления Екатерины сошли со сцены обе соперничавшие придворные группировки. Генерал-аншеф П.И.Па-

нин еще в 1770 г. вышел в отставку, а в 1773 г. и Н.И.Панин был освобожден от должности воспитателя наследника. На прощание он получил «звание первого класса в ранге фельдмаршала с жалованьем и столовыми деньгами», 7 тысяч душ, а также «сто тысяч рублей на заведение дома, серебряный сервиз в 50 тысяч рублей, 25 тысяч рублей ежегодной пенсии сверх получаемых им 5 тысяч рублей, ежегодное жалованье по 14 тысяч рублей, любой дом в Петербурге; провизии и вина на целый год, экипаж и ливреи придворные». Затем стало ограничиваться его влияние в сфере внешней политики: пост вице-канцлера в 1775 г. занял И.А.Остерман, а в 1780 г. в Коллегии иностранных дел появился А.А.Безбородко.¹²¹ Еще через несколько лет, когда Панин выступил против активной политики на юге и нового русско-австрийского союза, последовала полная отставка.

Одновременно происходил «закат» Орловых. В 1772 г. закончился «случай» Григория, а с окончанием войны в 1774—1775 гг. отправились в отставку Алексей с Федором. Вместе с ними потерял свой пост З.Г.Чернышев. Они уступили президентство в Военной коллегии, должность подполковника Преображенского полка и шефа кавалергардов новой фигуре — Г.А.Потемкину. У того, в свою очередь, появились новые противники в лице А.Р.Воронцова и П.В.Завадовского.¹²² Но перегруппировка в «верхах» теперь совершалась плавно, без резких потрясений и для самих участников, и для всего государственного механизма.

В уже цитированном разговоре, известном из дневника Храповицкого, Екатерина согласилась с мнением своего секретаря, что гвардия стала «не та, что была прежде»; с этим были согласны и иностранные дипломаты.¹²³ Как и ее предшественницы, императрица проверяла рапорты по полкам, следила за чинопроизводством и отбором достойных кандидатов на вступление в полки, вникала в судебные дела гвардейцев, внимательно наблюдала за их настроениями: «Что говорят о произведениях и награждениях?». Но при ней прекратилось обычное для предыдущей эпохи использование гвардейских солдат и офицеров в качестве чрезвычайных агентов правительства.

Изменился также способ комплектования полков и корпуса телохранителей-кавалергардов: основным источником их пополнения стал перевод из армии отличившихся солдат и унтер-офицеров. Екатерина была порой недовольна «шалостями» таких выскочек («всякой сброд набирают, а раньше служили одни дворяне») и вспоминала прежние полномочия майоров гвардии. И все же новый порядок стал правилом для комплектования гвардии и в XVIII, и в XIX веке. Приток служака-разночинцев неизбежно разрушал былую солидарность гвардейских рядов.¹²⁴

Изменилось не только гвардейское «солдатство», но и его начальники. В 1760—70-е гг. умерли (Ф.И.Ушаков, А.Б.Бутурлин) или ушли со своих постов (М.Н.Волконский, А.Г.Орлов, В.И.Суворов) подполковников и майоров гвардии те, кто обеспечил Екатерине поддержку в июне 1762 г. Вместе с ними ушло время слишком влиятельных гвардейских вельмож-командиров, подобных Меншикову или Миниху. Теперь «подполковничество» становилось почетным званием для генералитета (П.А.Румянцева, Н.В.Репнина, И.П.Салтыкова, К.Г.Разумовского, А.В.Суворова), не связанным с выполнением реальных командных функций.

Новое поколение гвардейских майоров составили преданные сторонники (А.Г.Орлов, А.И.Бибиков), переведенные из армии и прошедшие «школу» Семилетней и русско-турецкой войн служаки (И.И.Маслов, Ф.М.Толстой, И.И.Михельсон, Ю.В.Долгоруков, В.И.Левашов) или исполнительные «фрунтовики» (Т.П.Текутьев). Иные из них пользовались доверием императрицы и со временем выходили из гвардии на крупные административные посты, как Е.П.Кашкин (сибирский, а затем ярославский генерал-губернатор) или Т.П.Текутьев (смоленский губернатор); но никогда не играли самостоятельных ролей в политике.

Что же касается не входившего в элиту дворянства и чиновничества, то в 60-е гг. XVIII в. вырабатываются новые условия гражданской службы. Подготовленная к концу 1763 г. года реформа Сената совпала с введением новых штатов и твердых денежных окладов коронным служащим всех уровней государственной машины. Вместе с новыми штатами и окладами классные чиновники впервые получили в 1764 г. определенные гарантии своего существования по окончании службы — законное право на «пенсия» по выслуге 35 лет.

Упорядочивалось само продвижение по служебной лестнице. В 1764 г. было введено обязательное составление послужных списков чиновников; в 1765 г. законодательно были закреплены порядок принятия на службу «малолетних дворян» и их преимущество при получении чина «перед теми, кои не из дворян». Для последних (коллежских секретарей) впервые вводился 12-летний срок выслуги для произведения в следующий чин, тогда как для «благородных» в 1767 г. он был определен в 7 лет.¹²⁵ Губернаторам было разрешено обращаться не только в Сенат, но и лично к императрице; они, как и воеводы провинций, по указам 1764 и 1766 гг. получили право приобретать земли в подвластных губерниях и уездах, что было явным знаком доверия к дворянской администрации.¹²⁶

Пусть вначале «пенсии» на практике выплачивались весьма узкому кругу лиц, далеко не сразу удалось добиться присылки правильно оформленных послужных списков, а уж тем более обеспечить учреждения «достойными и честными людьми». Но все же новая власть уверенно брала курс на прямое государственное обеспечение служащих.¹²⁷ Названные меры должны были не только повысить эффективность работы государственного аппарата, но и усилить зависимость чиновников от центральной власти, а не от протекции «патрона». Одновременно власть пыталась навести порядок в деле раздачи милостей и ликвидировать (по крайней мере, ограничить) непрерывный поток обращений к ней помимо всех прочих инстанций. Сенатский указ 1765 г. впервые ввел особую шкалу наказаний за подачу «незаконных» челобитных императрице: служащим дворянам грозило за это лишение чинов, а нечиновным — даже сдача в солдаты.¹²⁸

Реформы 60-х гг. XVIII в. стали первым шагом на пути к достижению главной цели Екатерины. Исследователями она определяется как «компромисс между самодержавием и дворянством»¹²⁹ или, точнее, «сочетание идеи самодержавия с идеей сословности», поиск устойчивого «социального баланса», в рамках которого неограниченная власть монарха должна уравновешиваться не только привилегиями «главного члена» обще-

ства — дворянства, но и наличием сильного «третьего чина» при создании ограждающего их права законодательства.¹³⁰

В ходе реализации этой программы генеральное межевание, реформа местного управления 1775 г. и Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. удовлетворили одно из главных требований дворянства.¹³¹ Были созданы выборные дворянские органы на местах (капитан-исправник и нижний земский суд, заседатели верхнего земского суда, дворянская опека), дворянское сословное самоуправление; вместе с ними появились первые общесословные городские организации и законы об охране собственности, чести и достоинства горожан.

«Возвращение» дворянства в провинцию в свете новой ситуации, созданной манифестом о «вольности дворянства» 1762 г., привело к перераспределению власти в рамках прежней государственной системы, т.е. к передаче полномочий центральных органов на места и, как следствие, ликвидации ряда коллегий. Но в то же время дворянские сословные органы интегрировались в систему управления, что препятствовало образованию какой бы то ни было оппозиции.¹³²

Такой путь позволил власти устранить излишнее напряжение в самой системе, созданное петровскими реформами: давление всех страт дворянского сословия на «верхи», где до того сосредотачивались и решались интересующие их вопросы. Усвоение уроков российского «переворотства», описанные выше меры по отношению к элите, гвардии и чиновничеству и, наконец, известная «демилитаризация управления и общества в целом»¹³³ обеспечили не имевшей никаких прав на престол Екатерине долгое и спокойное царствование. После целого ряда гвардейских «замешательств» первых лет правления мы не видим в 70–90-е гг. ни одной сколько-нибудь серьезной попытки овладеть престолом, несмотря на наличие недовольного законного претендента Павла.

Дополнительную устойчивость сложившейся системе отношений власти со своей социальной опорой придавал достигнутый уровень дворянского самосознания. Знать и гвардейское «шляхетство» 20–40-х гг. в массе своей не отличались серьезными политическими пристрастиями, что показали события 1730 г.; но зато они привыкли на практике участвовать в борьбе за власть — придворные Екатерины еще хорошо помнили «страх от бояр во время Елизаветы Петровны». Их дети привели к власти саму Екатерину; умелая политика императрицы обеспечила им широкое поле для деятельности: в победоносных войнах, службе в новых учреждениях; наконец — в развитии своих «дворянских гнезд». В этом смысле представляется неизбежным крушение «миролюбивой» внешней политики Панина и успех имперских проектов Потемкина — именно потому, что они соответствовали массовым настроениям дворянства.

Чувства этого поколения и достигнутые им в границах «просвещенной» монархии права выражал знаменитый певец «Фелицы», когда от имени царицы провозглашал:

*«Я вам даю свободу мыслить
И разуметь себя, ценить,
Не в рабстве, а в подданстве числить»*

*И в ноги мне челом не бить.
 Даю вам право без препоны
 Мне ваши нужды представлять,
 Читать и знать мои законы
 И в них ошибки замечать.
 Даю вам право собираться
 И в думам золото копить,
 Ко мне послами отправляться
 И не всегда меня хвалить».*

При Екатерине «свобода мыслить» в понимании императрицы в целом совпадала с духовными запросами ее подданных, и этим счастливым совпадением во многом объясняется политическая стабильность ее царствования. В системе ценностей дворянской элиты той эпохи авторитет самодержавной власти, культ великого и удачливого монарха был еще незыблем. Нарождавшиеся оппозиционные настроения (критика в адрес конкретных лиц и решений, недовольство придворным раболепием и фаворитизмом) высказывались только «на уровне индивидуального сознания и практически не проявились в реальных поступках, стиле поведения личности», тем более что царствующая особа обладала в глазах дворян своего рода «презумпцией невиновности».¹³⁴

Императрица, вероятно, это понимала и на опасения фаворита (Г.Г. Орлова), «не клонится ли сие к упадку империи,... отвечала, что из клеветы выпущенные телята скачут и прыгают, случатся и ногу сломят, но после перестанут, и таким образом все войдет в порядок». Она же в указанном выше разговоре о «страхе от бояр» уверенно полагала: «У всех ножей притуплены концы и колотье не могут».¹³⁵

Екатерина была права: только последующее поколение «телят» dorосло до конституционных идей в начале следующего столетия. Однако и ей уже приходилось терпеть завуалированное осуждение узурпации престола. В вышедшей в 1766 г. «Истории государства Датского» как в тексте, так и в примечаниях переводчика Я.П. Козельского не только обличались цареубийство и совершившие его «мерзкие злодеи», но и содержались намеки на судьбу Петра III.¹³⁶

Ситуацию в «государственной науке» — истории — Екатерина не без успеха пыталась контролировать.¹³⁷ С литературой и театром было сложнее. Зрителям представлялись картины заговоров против жестоких монархов («Подложный Смердий» А.А.Ржевского, «Димитрий Самозванец» А.П.Сумарокова, «Борислав» М.М.Хераскова, «Рослав» П.А.Плавильщикова), которые заканчивались тем, что «народ поспешно выбегает на театр с обнаженными кинжалами, предшествуют ему начальники». Разумеется, речь шла о царях-тиранах, к которым императрица себя причислить не могла. Ей приходилось разрешать к постановке сюжеты, на которые предупредительно обращала внимание цензура — как трагедию Я.Б.Княжнина «Владимир и Ярополк», где некий придворный утверждал: если царь «исступит из границ своих священных прав, / Тогда вельможей долг вернуть его в пределы».¹³⁸

Екатерина пыталась — в столь же художественной форме — предложить свою трактовку проблемы в трагедии «Игорь» (1786 г.), в которой ее

статс-секретарь справедливо усмотрел идею о необходимости «притупления ножей». Сочинение императрицы было посвящено судьбе киевского князя Игоря, окруженного завистливыми и корыстными советниками. «Все между собой в ссоре, в несогласии... Одни других мне обносят непрестанно», — жалуется князь, но все же попадает под влияние «ласкателей» и в результате отправляется в роковой поход на древлян. Они-то уже, по мысли автора, были готовы покориться и молили только об уменьшении наложенной на них дани; но подстрекаемый советниками князь боялся, что его сочтут слабым правителем.¹³⁹ Такая интерпретация летописного сюжета как будто намекала на судьбу совсем другого, но столь же слабого и неразумного монарха; возможно, поэтому трагедия так и осталась неоконченной.

Стратегическая цель императрицы не была достигнута: за четверть века нельзя было создать просвещенное, богатое и послушное третье сословие — русский город оказался слишком слабым, чтобы представлять возможный противовес дворянству. Не собиралась императрица исключать из арсенала политики и «личное начало», т.е. опору на доверенных и облеченных огромными полномочиями лиц, подобных А.А.Вяземскому, Г.А.Потемкину или П.А.Зубову, чья деятельность и злоупотребления неизбежно порождали недовольство. Да и власть самой монархини, с точки зрения императрицы, могла быть ограничена исключительно моральными принципами, что делало гармонию взаимоотношений государя и подданных уязвимой.

Разрабатывавшиеся Екатериной в течение многих лет «фундаментальные» законы (о престолонаследии, «Наказ Сенату», «О узаконении вообще») так и не были утверждены; неудивительно, что историки скорее пессимистически оценивают саму возможность их реализации.¹⁴⁰ «Трагическое противоречие» самодержавия, для которого в принципе не может быть ограничения, выразилось в процессе подготовки закона о престолонаследии, с отсутствием которого связаны все «дворские бури» XVIII столетия.

В течение своего царствования императрица несколько раз возвращалась к работе над этим документом. Сохранились, по крайней мере, три проекта закона, датируемые 1767–1768, 1785 и 1787 гг.¹⁴¹ Во всех вариантах предусматривалось наследие по прямой нисходящей мужской линии, хотя не исключалось и «женское правление» при отсутствии наследников-мужчин. Существует версия о намерении Екатерины в соответствии с петровским законом о престолонаследии 1722 г. передать корону внуку Александру, минуя Павла, которому она должна была принадлежать по предполагаемому закону.¹⁴² Работы последних лет доказывают несостоятельность этой версии и даже самого намерения лишить Павла престола.¹⁴³ Тем не менее Екатерина так и не обнародовала закон, значение которого для судьбы династии вполне понимала.

Кажется, что проблема наследия все же вызывала у Екатерины какие-то колебания. В тексте «Наказа Сенату» 1787 г. появился и был тщательно «прописан» пункт об отрешении законного наследника в случае возможного «бунта» или «буде доказано, что при жизни и. в. стремился всходить на престол». Более того, Екатерина одобряла петровский закон 1722 г. об

отрешении «своего отродия» и даже считала возможным определение наследника (хотя и из числа «ближних по крови») Сенатом в случае, если это не было сделано царствующим императором при жизни. Эти пункты опирались на «узаконения» императриц Екатерины I и Елизаветы.¹⁴⁴

Но все же Екатерина так и не решилась ни обнародовать подготовленный закон, ни воспользоваться своим правом по указу 1722 г. Так в очередной раз (после Петра I и Елизаветы) в российской истории возникла неурегулированная коллизия отношений государя и взрослого наследника, решить которую Екатерина не смогла — или не считала это осуществимым.

К тому же императрица пережила многих своих талантливых слуг — Вяземского, Потемкина, Паниных, Г. Орлова. Эта «старая гвардия» еще могла бы обеспечить переход престола к Александру; но ее последняя опора — Платон Зубов и его клан — на это не были способны.

По иронии судьбы Павел сделал то, что не смогла довести до конца его мать: утвердил закон о престолонаследии 1797 г., подготовленный им как семейный договор еще в 1788 г.¹⁴⁵ Но он нарушил неписанный и куда более важный порядок — тот самый созданный в правление Екатерины «социальный баланс». Этот курс вызвал к жизни новую переворотную ситуацию и в итоге стоил Павлу жизни. Павловское царствование не является предметом настоящего исследования. Однако нам представляется важным отметить, что механизм российского «переворотства» не исчез вместе с «эпохой дворцовых переворотов»: он «перешел» в следующее столетие и даже — в скрытом виде — сохранялся как потенция до самого конца существования монархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ 28 июня 1762 г. в Санкт-Петербурге // РС. 1883. № 3. С. 681-684.
- ² См.: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 473. Л. 8-11; РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 503. Л. 10-16.
- ³ См.: РГВИА. Ф. 53. Оп. 1. № 3. Л. 2, 9, 23.
- ⁴ См.: *Панчулидзева С. А.* История кавалергардов. 1724—1799—1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества полка. СПб., 1899. Т. 1. С. 42, 52, 56, 62, 73, 77; РГВИА. Ф. 33. Оп. 1. № 67. Л. 2-3 и далее.
- ⁵ Цит. по: *Бильбасов В. А.* Исторические монографии. СПб., 1901. Т. 3. С. 171.
- ⁶ См.: *Брикнер А. Г.* Первые годы царствования Екатерины II (по депешам голландского резидента Мейнерцгагена) // ИВ. 1884. № 10. С. 11; Сб. РИО. Т. 140. С. 25.
- ⁷ См.: РГВИА. Ф. 53. Оп. 1. № 3. Л. 106 об.
- ⁸ Выплаты по «командам» см.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 52818. Л. 1-65. Итоговый подсчет сделан нами по ведомостям Кабинета (см.: Там же. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 2. Л. 2).
- ⁹ См.: Там же. Ч. 3. Л. 195 об.
- ¹⁰ См.: АВПРИ. Ф. 6. Оп. 62. № 1. Л. 156 об.). По неизвестным причинам эта депеша не вошла в издание РИО (см.: Сб. РИО. Т. 12).
- ¹¹ См.: РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 1. Л. 66.
- ¹² См.: Там же. Ч. 1. Л. 97; Ч. 2. Л. 13 об.
- ¹³ Так, например, измайловский капитан А. Рославлев получил в январе-феврале 1763 г. 1300 рублей на 26 человек, а один только преображенский сержант Толстой удостоился награды в 1500 рублей (см.: Там же. Ч. 1. Л. 94).
- ¹⁴ Опубликованный РИО список раздач (см.: Сб. РИО. Т. 7. С. 115-118) доведен только до 16 ноября 1762 г. Мы использовали более полный перечень (см.: РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 1. Л. 65-94; Ч. 2. Л. 6-19). См. также описи именных указов Екатерины II по Кабинету: Там же. Ф. 16. Оп. 1. № 7. Ч. 1. Л. 1-3. Указанные архивные материалы существенно дополняют подсчеты по «оценке услуг» заговорщиков В. А. Бильбасова (см.: *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Берлин, 1900. Т. 2. Приложение. С. 504-522.)
- ¹⁵ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 30716. Л. 1-12; № 33172. Л. 2-27.
- ¹⁶ См.: Там же. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 1. Л. 104, 108, 110 об., 117 об.
- ¹⁷ Подсчитано нами по: Там же. Л. 125-146.

¹⁸ См.: Там же. Л. 141, 149 об., 151 об., 163, 193.

¹⁹ См.: Там же. Ф. 10. Оп. 1. № 517. Л. 1 и далее.

²⁰ См.: Сб. РИО. Т. 46. С. 663-665.

²¹ В ведомостях Кабинета за первые месяцы 1763 г. есть записи о переводе в январе 50 тысяч «иностранных червонных на известное отправление» (что составляло 125 тысяч рублей); затем в апреле было «в известное место секретно отправлено из комнатных червонных» и по векселям еще на общую сумму в 73 950 рублей (см.: РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 1. Л. 97, 108). Ведомости за май-ноябрь 1763 и за весь 1764 г., как указывалось, отсутствуют.

²² Можно, пожалуй, поставить вопрос: насколько «дворские бури» сказывались на внешней торговле и валютном курсе. Не случайно молодой посол А. Р. Воронцов отмечал в письме из Лондона к дяде-канцлеру, как «акции унизились до 3 % на сто» по получении известия о свержении Петра III (см.: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. № 25. Л. 555 об.).

²³ См.: *Голомбевский А. А.* А. Г. Орлов-Чесменский // РА. 1904. № 8. С. 504-505, 512.

²⁴ Братья Орловыми сразу были пожалованы за участие в перевороте 2 929 душ (вместо полагавшихся им по «норме» 2400); затем Григорий и Алексей в несколько приемов получили еще ряд имений и в итоге, после состоявшегося по их прошению обмена («перемены деревень» с дворцовым ведомством в 1768 г.) стали владельцами 9571 души (см.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 845. Л. 21-22, 54, 55).

²⁵ См.: *Александров Г.* Екатерининские пособники-солдаты // РА. 1880. № 5. С. 148. Екатерина высказала опасение, что предложенное в особом докладе воинской комиссии в декабре 1762 г. повышение солдатского жалования до 9—10 рублей может стать поводом к «непорядкам и пьянству» (см.: РГВИА. Ф. 2. Оп. 15. № 10. Л. 7-7 об.).

²⁶ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2068. Л. 3, 7, 13 об.

²⁷ См.: Там же. № 2075. Л. 2 об.

²⁸ См.: Там же. № 2070. Л. 3.

²⁹ Там же. № 2128. Л. 3-4.

³⁰ Там же. № 2164. Л. 2.

³¹ Там же. № 2061. Л. 3; № 2092. Л. 4 об.-5; № 2047. Ч. 1. Л. 168 об.

³² См.: Там же. № 2065. Л. 48-48 об.

³³ См.: Там же. № 2047. Ч. 1. Л. 167 об. О первом и последующих самозванцах см.: *Сивков К. В.* Самозванцы в России в последней трети XVIII в. // ИЗ. 1950. Т. 31. С. 97.

³⁴ См.: *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Т. 2. С. 282, 287.

³⁵ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2080. Л. 4, 17.

³⁶ См.: Там же. № 2131. Л. 31.

³⁷ См. Там же. № 2126. Л. 7 об. и далее.

³⁸ Там же. № 2097. Л. 3, 5 об., 8. См. также: *Джинчарадзе В. З.* Из истории Тайной экспедиции при Сенате (1762-1801 гг.) // Уч. зап. Новгородского педагогического ун-та. Новгород, 1957. Т. 1, вып. 1. С. 96.

³⁹ См.: *Каратыгин П.* Язык мой — враг мой // ИВ. 1897. № 9. С. 786.

⁴⁰ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 351. Л. 39-41. Гвардейцы занимались не только «политикой». В сентябре того же 1763 г. военный суд рассматривал дело семеновского солдата Ивана Паутова, который прямо на карауле в новом Летнем дворце украл из кабинета императрицы денежный мешок с тысячей рублей, за что был повешен (см.: РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 626. Л. 73-74, 124).

⁴¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2098. Л. 1; № 2103. Л. 2, 5.

⁴² Только из одного Преображенского полка в 1763 г. было исключено за «продерзости» 17 солдат (см.: Там же. Ф. 20. Оп. 1. № 21. Ч. 2. Л. 75).

⁴³ Цит. по: *Голомбевский А. А.* Князь Г. Г. Орлов // РА. 1904. № 7. С. 385-386.

⁴⁴ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2047. Ч. 1. Л. 169-169 об.; № 2168. Л. 1.

⁴⁵ См.: Там же. № 2047. Ч. 1. Л. 167 об., 170.

⁴⁶ См.: Там же. № 2043. Ч. 3. Л. 27, 39-39 об. О ходивших по столице слухах насчет грядущих беспорядков писал и английский посол Бэкингейм (см.: *Соколов А. Б.* Английский дипломат о политике и дворе Екатерины II // ВИ. 1999. № 4-5. С. 127).

⁴⁷ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2152. Л. 2; № 2156. Л. 1.

⁴⁸ См.: Там же. № 2152. Л. 4, 8 об., 23, 28-29. Подлинник записки Екатерины II см.: Там же. № 2043. Ч. 3. Л. 49-49 об. За «необузданные свои мысли» Хвостов был сослан в имение, и был освобожден от ссылки только в 1798 г.

⁴⁹ Там же. № 2169. Л. 1-1 об.

⁵⁰ См.: Там же. № 2166. Л. 1-2 об., 12-12 об.

⁵¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. № 407. Л. 25 об.; № 569. Л. 47.

⁵² См.: Дворцовые перевороты в России 1725-1825. Ростов н/Д., 1998. С. 440, 444.

⁵³ См.: Там же. С. 422-423.

⁵⁴ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2153. Л. 4; № 2043. Ч. 3. Л. 66.

⁵⁵ См.: Сб. РИО. Т. 7. С. 366.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2047. Ч. 1. Л. 217 об.

⁵⁷ Там же. Л. 174 об.

- ⁵⁸ Там же. № 2188. Л.1,4.
- ⁵⁹ Жена преображенского капитана Петра Митусова узнала от кормилицы Павла, что Никиту Ивановича Панина «отрешают», и испугалась, «не зделают как с батюшкою» злодеи Орловы — ведь «Ивана Антоновича оне ж уходили» (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.2. № 2174. Л.3). Полковой семе-новский священник Петр Якубовский загулял с «подлыми бабами» на проезжем тракте, а затем донес на ямщиков, якобы знавших, что семеновские солдаты намерены произвести «перемуну в правлении» и женить «справедного наследника» на сестре Ивана Антоновича принцессе Елизавете (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.2. № 2298. Л.3).
- ⁶⁰ См.: Барсуков А.П. Рассказы из русской истории XVIII в. СПб., 1885. С.198-199,211,218-220.
- ⁶¹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 407. Л.4-5,6 об.,25 об.,159 об.
- ⁶² Там же. Л.5 об.-6.
- ⁶³ См.: Там же. Ф.7. Оп.2. № 2323. Л.5-6 об.
- ⁶⁴ См.: Там же. Ф.6. Оп.1. № 411. Л.7,22,124,126,220-221.
- ⁶⁵ Там же. Ф.7. Оп.2. № 2043. Ч.11. Л.40-41.
- ⁶⁶ Там же. Л.39,44.
- ⁶⁷ См.: *Le Donne J. Ruling Families in the Russian Political Order, 1689-1725 // Cahiers du monde russe et sovietique. 1987. Vol.28. № 3-4. P.301-303.*
- ⁶⁸ При этом «выжидали» своего часа и стояли особняком братья З.Г. и П.Г.Чернышевы, вице-канцлер А.М.Голицын и его двоюродный брат генерал А.М.Голицын (см.: *Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New-Haven, 1975. P.108-114.*)
- ⁶⁹ См.: *Лопатин В.С.* Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка, 1769-1791. М., 1997. С.504; *Рознер И.Г.* Придворные круги накануне и во время крестьянской войны 1773-1775 гг. // ВИ. 1974. № 4. С.105.
- ⁷⁰ См.: РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 660. Л.2-3,7-8; № 992. Л.86-96.
- ⁷¹ См.: АВПРИ. Ф.13. Оп.13/2. № 101. Л.7-9; РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 250. Л.2-7.
- ⁷² И.И.Неплюев предлагал оставаться «нейтральными и индифферентными»; А.П.Бестужев-Рюмин, М.И.Воронцов и М.Н.Волконский призывали вновь заключить союз с Австрией; но бывший канцлер желал «переделать» русско-прусский мирный договор, а его преемник и генерал полагали, что «худой мир надобен» и изменить его уже не удастся (мнения И.И.Неплюева и М.Н.Волконского см.: РГАДА. Ф.168. Оп.1. № 7. Л.4-5 об.; № 8. Л.2,8-9. Ответы А.П.Бестужева-Рюмина и М.И.Воронцова опубликованы: АКВ. Кн.25. С.334-339,392-399).
- ⁷³ См.: Сб. РИО. Т.46. С.94,346,480.
- ⁷⁴ См.: Там же. Т.22. С.15-16,18. Фридрих II оценил намек: в феврале 1763 г. в письме к русской императрице он обещал поддержать российского претендента на предстоявших выборах в Польше. Он же помог утверждению в Курляндии «русского» герцога Бирона в противовес кандидатуре саксонского принца.
- ⁷⁵ См.: Там же. Т.22. С.99; Т.46. С.510,577-578.
- ⁷⁶ См.: Там же. Т.12. С.85,89.
- ⁷⁷ См.: Там же. Т.46. С.183,480.
- ⁷⁸ См.: Там же. Т.22. С.238; *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1994. Кн.ХIII. С.246.
- ⁷⁹ См.: *Порошин С.А.* Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881. С.264; Сб. РИО. Т.22. С.488; Т.46. С.189,636. Неотесанность и отсутствие вкуса у фаворита, его пристрастие к охоте и развлечениям «в кофейнях, тавернах и за билльярдом» отмечал английский посол Д.Бэкинтем (см.: *Соколов А.Б.* Указ. соч. С.119).
- ⁸⁰ См.: Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1904. Т.2. С.24; *Голомбиевский А.А.* Князь Г.Г.Орлов. С.386. Комиссар Придворной конторы Антон Вальтер позволил себе «в лоб» пообещать ему за содействие какую-то «серебряную позолоченную вещь»; тут уж Григорий не выдержал и официально обратился в Сенат с жалобой на наглого чиновника (см.: Сенатский архив. СПб., 1908. Т.14. С.163).
- ⁸¹ См.: Сб. РИО. Т.46. С.721.
- ⁸² См.: *Мадариага И., де* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С.91-92.
- ⁸³ Эта инициатива в свое время трактовалась как «доктринерство», да и сейчас порой оценивается как неудача (См.: *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.5. С.39; *Мартеис Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1883. Т.6. С.39; *Ransel D. Op. cit. P.136.*) Другие исследователи видят в ней относительно успешную попытку «решения непосредственных задач» российской внешней политики по отношению к Польше, Швеции и Турции (см.: *Миронова Е.М.* Складывание «Северной системы» Н.И.Панина (60-е гг. XVIII в.) // *Вестник Московского ун-та. Сер.8 «История».* 1989. № 6. С.47-48). «Северная система» воспринимается и как «первый перспективный план русской внешней политики» с целью создания блока держав, в котором Россия играла бы руководящую роль (см.: *Гаврюшкин А.В.* Граф Никита Панин: Из истории русской дипломатии XVIII в. М., 1989. С.76-77; *Герасимова Г.И.* «Северный аккорд» графа Панина. Проект и реальность // *Российская дипломатия в портретах.* М., 1992. С.77-78).
- ⁸⁴ См.: *Ransel D. Op. cit. P.123,133.*

- ⁸⁵ См.: *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Т.2. С.149-150; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. /Под ред. С.А.Рыбакова. М., 1983. С.326.
- ⁸⁶ См.: *Лопатин В.С.* Указ. соч. Б.55; *Павленко Н.И.* Екатерина Великая // Родина. 1996. № 2. С.52.
- ⁸⁷ См.: *Ключевский В.О.* Соч. Т.5. С.64,396; *Чечулин Н.Д.* Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II // *ЖМНП.* 1894. № 3. С.72,74,77; *Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч.2. С.93; Гаврюшкин А.В.* Указ. соч. С.39; *Власть и реформы: от самодержавной к советской России.* СПб., 1996. С.165; *Плотников А.Б.* Н.И.Панин и его проект создания Императорского совета // *Сподвижники великой Екатерины.* М., 1997. С.86.
- ⁸⁸ См.: Сб. РИО. Т.7. С.203-214.
- ⁸⁹ См.: *Мадариага И., де* Указ. соч. С.82. Характерны колебания автора при определении политической позиции Панина (см.: Там же. С.81).
- ⁹⁰ См.: Там же. С.83. Ср.: Сб. РИО. Т.140. С.151.
- ⁹¹ Цит. по: *Порошин С.А.* Указ. соч. С.506,338.
- ⁹² См.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682-1689 гг. М., 1999. С.75; *Сафонов М.М.* Завещание Екатерины II. СПб., 2000. С.31-32,36.
- ⁹³ См.: *Чечулин Н.Д.* Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II. С.79; *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С.242; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в.: опыт целостного анализа. М., 1999. С.381-382.
- ⁹⁴ См.: *Тимошук В.В.* Донесения французских посланников при дворе Екатерины II // *РС.* 1913. № 1. С.199.
- ⁹⁵ См.: РГАДА. Ф.5. Оп.1. № 90. Л.3-15.
- ⁹⁶ См.: *Рознер И.Г.* Указ. соч. С.107; *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т.2. С.123; *Эйдельман Н.Я.* Где секретная конституция Фонвизина-Панина? // *Эйдельман Н.Я.* Из политической истории России XVIII-XIX вв. М., 1993. С.217-218; *Плотников А.Б.* Политические проекты Н.И.Панина. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1997. С.7.
- ⁹⁷ См.: *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1996. С.89; *Шильдер Н.К.* Император Павел I. СПб., 1901. С.539; *Лопатин В.С.* Указ. соч. С.660; *Сафонов М.М.* Завещание Екатерины II. С.73. Прусский посол Евстафий фон Герц и сардинский посланник маркиз де Парелло были убеждены в «вопиющей неблагоприятности» Бакунина, но связывали ее с переходом чиновника на сторону противников Панина в последние годы его деятельности (см.: *Лейхтенбергский Г.* Из записок о России графа фон Герца, прусского посланника при дворе Екатерины II // *Вестник общества ревнителей истории.* Пг., 1914. Вып.1. С.18; *Отзыв итальянца о главных правительственных лицах во вторую половину екатерининского царствования // РА.* 1875. № 6. С.123-124).
- ⁹⁸ Цит. по: Дидро и Екатерина II. СПб., 1902. С.50.
- ⁹⁹ См.: *Сафонов М.М.* Завещание Екатерины II. С.34,73. Примером является «дело» голштинского дипломата на русской службе Каспара Сальдерна. В 1772-1773 гг. Сальдерн каким-то образом получил от Павла разрешение действовать, чтобы добиться предоставления наследнику соправительства, и стал собирать свою «партию». Сам наследник, а затем и Панин рассказали о его деятельности Екатерине; Сальдерн был изгнан с русской службы (см.: РБС. СПб., 1904. Т. Сабанеев — Смыслов. С.123; *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. С.79; *Шумигорский Е.С.* Император Павел I: жизнь и царствование. СПб., 1907. С.28; *Гаврюшкин А.В.* Указ. соч. С.153-155; *Сафонов М.М.* Завещание Екатерины II. С.61-63).
- ¹⁰⁰ *Лейхтенбергский Г.* Указ. соч. С.9-10.
- ¹⁰¹ Имеются в виду «Рассуждения вечера 28 марта 1783 г.», «прибавления» к нему П.И.Панина 1784 г., записки самого Павла. О названных документах и их содержании см.: *Шумигорский Е.С.* Указ. соч. Приложение; *Сафонов М.М.* Конституционный проект Н.И.Панина — Д.И.Фонвизина // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1974. Вып.6. С.262-280; *Плотников А.Б.* Проекты реформы высших государственных учреждений России в 80-е гг. XVIII в. (Екатерина II, Н.И. и П.И.Панины, Павел Петрович // *Российская государственность: опыт и перспективы изучения.* Чтения памяти Т.П.Коржихиной. М., 1995. С.25.
- ¹⁰² См.: *Плотников А.Б.* Проекты реформы высших государственных учреждений России в 80-е гг. XVIII в. С.25-26; Сб. РИО. Т.90. С.1-4.
- ¹⁰³ См.: *Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С.159-161,241. Сенат как «верховное совещательное собрание и место главного надзора над всеми отраслями управления» с правом издания указов и контроля за министрами отставил также С.Р.Воронцов в споре с министром внутренних дел В.П.Кочубеем в 1803 г. (см.: *Воронцов С.Р.* О внутреннем управлении в России // *РА.* 1881. № 3. С.156-158).
- ¹⁰⁴ См.: *Сафонов М.М.* О так называемых ранних записках М.М.Сперанского // *Вспомогательные исторические дисциплины.* МЛ., 1991. Вып.22. С.112-115.
- ¹⁰⁵ Солдат Николай Шляпников представлялся ушедшим «в народ» императором своей любимице-казачке, намереваясь ее ограбить. Сын пономаря Григорий Зайцев в стиле Хлестакова развезжал

по украинским местечкам, требовал себе лошадей, квартир и угощения, рассказывая при этом крестьянам, как он «с государем обедал» и был послан от него «проведывать о подушном окладе» (см.: *Сивков К.В.* Указ. соч. С.127-131; РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 541. Л.3 об., 9; № 542. Л.72-72а).

¹⁰⁶ См.: *Омельченко О.А.* Указ. соч. С.241-242; *Мадарица И., де* Указ. соч. С.85.

¹⁰⁷ Даже в фундаментальной «Истории Правительствующего Сената» этот вопрос подробно не освещался: отмечено лишь увольнение нескольких лиц в первые годы после переворота и указано общее количество – 125 сенаторов за все екатерининское царствование (см.: *История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711-1911.* СПб., 1911. Т.2. С.426-429).

¹⁰⁸ Источниками нам послужили протоколы Сената (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.41. № 3364,3431,3504) и публикации: (см.: Сенатский архив. СПб., 1907-1913. Т.12-15; «Список находящихся у статских дел господам сенаторам, обер-прокурорам и всем присутствующим в коллегиях, канцеляриях, конторах, губерниях, провинциях и городах» на 1766-1769 гг.).

¹⁰⁹ См.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 239. Л.1 об.; Ф.370. Оп.1. № 23. Л.2-23 об.

¹¹⁰ Об отставках см.: *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900. С.693-695; РБС. СПб., 1914. Т.Лабзина – Ляшенко. С.650; Сенатский архив. 1909. Т.13. С.478.

¹¹¹ Подсчитано нами по: Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809. С.111-127.

¹¹² См.: Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Т.11; Общий морской список. СПб., 1885. Ч.1. С.224,209,245,170-171; РБС. СПб., 1897. Т.Ибак – Ключарев. С.587; Т.Плавильщиков – Примо. С.488; Т.Суворова – Ткачев. С.276.

¹¹³ Документы Кабинета показывают, что императрица внимательно следила за расстановкой сенаторов по департаментам (см.: *Цветаев Д.В.* Собственноручные указы и письма императрицы Екатерины Великой // Журнал министерства юстиции. 1915. № 10. С.190-191).

¹¹⁴ См.: Сенатский архив. 1910. Т.14. С.198-203.

¹¹⁵ Империя после Петра, 1725-1765 / Я.Шаховской. В.Нащокин. И.Неплюев. М., 1998. С.448.

¹¹⁶ Цит. по *Храповицкий А.В.* Памятные записки. М., 1990. С.47.

¹¹⁷ Цит. по: Итоги XVIII века в России. М., 1910. С.33-34.

¹¹⁸ О регулярных докладах о перлюстрации см.: *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С.24,28,48,53,61,64, 78,81,83,85,92,97,100,102,107-108 и далее.

¹¹⁹ Француз-волонтер граф Рожер де Дама весной 1789 г. в пустом зале Зимнего дворца, наблюдая из окна за маршем отправляющихся на фронт гвардейских частей, произнес: «Если бы шведский король увидел это войско, он заключил бы мир». Через два дня граф был удивлен, когда Екатерина напомнила ему эту фразу. Он не знал, что императрица видела в нем шпиона и не желала по этой причине даже определять молодого француза в гвардию (см.: Записки графа Рожера де Дама // Старина и новизна. СПб., 1914. Кн.18. С.80-81; *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С.185).

¹²⁰ См.: Сенатский архив. 1907. Т.12. С.541; Т.13. С.469. Екатерина приказала выдать Бестужеву жалование за все время «нечестия» (66 тысяч рублей), которое тут же было зачтено в качестве уплаты его долгов казне. Но за проданные дома он получил на руки почти 123 тысяч рублей (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.41. № 3504. Л.308-308 об.).

¹²¹ См.: Очерк истории Министерства иностранных дел. СПб., 1902. С.54.

¹²² См.: *Лопатин В.С.* Указ. соч. С.529.

¹²³ Отзыв английского поверенного в делах Г.Ширли в 1768 г.: «Гвардия совсем не та, что была несколько лет тому назад» (Сб. РИО. Т.12. С.337).

¹²⁴ Ежедневно подаваемые Екатерине рапорты по полкам см.: РГАДА. Ф.20. Оп.1. № 21. Ч.3-4. О наборе кавалергардов из офицеров армейских полков и даже «из голштинской службы» см.: РГВИА. Ф.33. Оп.1. № 140. Л.1-10. О контроле над гвардией см.: *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С.104,151,185,189,190,257. О новом порядке комплектования гвардии см.: *Карцов А.П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1854. Т.2. С.6.; *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в XVIII в. Куйбышев, 1989. С.43.

¹²⁵ См.: *Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С.* История государственной службы в России XVIII-XIX вв. М., 1999. С.24-25,42-43,61-63; ПСЗ. Т.XVI. № 11989, 12030, 12175; Т.XVII. № 12465; Т.XVIII. № 12973.

¹²⁶ Последний пункт Екатерина лично вписала в соответствующую инструкцию генерал-прокурору А.А.Вяземскому (см.: *Цветаев Д.В.* Указ. соч. С.156).

¹²⁷ В 1762 г. сенаторы посчитали: на 18 194 служащих по новым штатам потребуется 1402258 рублей – по сравнению с 198351 рублем, расходовавшимися прежде по ведомостям Штатс-конторы (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.41. № 3021. Л.609 об.). Последняя сумма явно занижена: это только расходы на центральный аппарат (см.: *Куломзин А.И.* Государственные расходы в России XVIII столетия // ВЕ. 1869. № 5. С.344.). По расчетам Ю.В.Готье, содержание местных органов власти обходилось до реформы в 135-140 тысяч рублей, а после реформы – в 540 тысяч рублей (см.: *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т.1. С.235; Т.2. С.300). В итоге общая стоимость государственного аппарата по штатам 1763 г. составила 1203329 рублей (см.: *Троцкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С.231).

¹²⁸ См.: ПСЗ. Т.XVII. № 12316. Мера эта рассматривалась раньше как безусловно классовая и касавшаяся прежде всего крестьян (см.: *Белявский М.Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И.Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965. С.42).

¹²⁹ См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). М., 1999. Т.2. С.136-137.

¹³⁰ См.: Власть и реформы. С.168; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. С.429-430.

¹³¹ См.: *Никонова В.М.* Требования дворян и проект «Прав благородных» в Уложенной комиссии 1767 г. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1990. С.12; *Мигунова Т.Л.* Российское общество накануне реформ Екатерины Великой. М., 2002. С.35,57. Ю.В.Готье обратил внимание, что в 1730 г. предложение о выборности воевод содержалось только в одном из дворянских проектов; впоследствии оно «возродилось» в проекте Уложения 1754 г., в одном из проектов П.И.Шувалова и проекте кн. Я.П.Шаховского 1762 г. (см.: *Готье Ю.В.* Указ. соч. Т.2. С.120,137,147,171-172).

¹³² См.: Власть и реформы. С.180; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. С.430; *Павлова-Сильванская М.П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964. С.467-469.

¹³³ *Мадарица И., де* Указ. соч. С.932.

¹³⁴ См.: *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999. С.143-144,238.

¹³⁵ Цит. по: *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С.135,12. «Боярами» Екатерина и ее статс-секретарь называли сенаторов (см.: Там же. С.167).

¹³⁶ Комментарий на смерть датского короля Вальдемара по вине врачей призывали беречься от таких лекарств, которые могут «и у самого прездорового человека желудочную его машину расстроить» (см.: *Розенфельдт Н.Э.* «История государства Датского» Людвиг Хольберга как орудие критики русского общества // Россия и Дания – 500 лет. М., 1996. С.179-185).

¹³⁷ См.: *Курукин И.В.* «Знать историю, а паче своего Отечества» // Родина. 1999. № 3. С.10-14.

¹³⁸ См.: *Бочкарев В.А.* Русская историческая драматургия XVII-XVIII вв. М., 1988. С.129,173,207; *Дризен Н.В.* Материалы к истории русского театра. М., 1913. С.103-105.

¹³⁹ См.: *Екатерина II.* Соч. В 12-ти т. СПб., 1901. Т.3. С.409-410, 432.

¹⁴⁰ В 1983 г. О.А.Омельченко полагал, что «Свод государственных установлений» Екатерины II не был введен «в силу чисто случайных обстоятельств» (см.: *Омельченко О.А.* К проблеме правовых форм российской абсолютной монархии второй половины XVIII в. // Проблемы истории абсолютизма. М., 1983. С.25). В последующей работе автор уже считал причиной этого «трагическое противоречие»: императрица не могла нарушить «всеобъемлющие полномочия монарха» в связи с проблемой престолонаследия (см.: *он же.* «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С.361). А.Б.Каменский, с одной стороны, видит в законодательстве Екатерины факт «исторической альтернативы», но в то же время не уверен, «было ли вообще возможно введение разработанных Екатериной проектов» (*Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. С.460).

¹⁴¹ О законопроектах по вопросу престолонаследия см.: Там же. С.415,454-456. Екатерина напряженно размышляла над проблемой престолонаследия, о чем свидетельствуют ее заметки (при изучении трудов английского юриста Блэкстона) о переходе короны к «полукровке» (см.: *Кологривов С.* Новонайденный труд Екатерины Великой // РА. 1908. № 6. С.172).

¹⁴² О судьбе так называемого «завещания» Екатерины см.: *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины...»: вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С.419-426.

¹⁴³ См.: *Сафонов М.М.* Завещание Екатерины II. С.259-260.

¹⁴⁴ См.: *Шильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т.1. С.101; *Омельченко О.А.* К проблеме правовых форм российской абсолютной монархии второй половины XVIII в. С.51-52. Как раз в августе 1787 г. Екатерина изучала «Правду воли монаршей» Феофана Прокоповича и приказала подобрать ей «указы о наследниках, к престолу назначенных со времен Екатерины I» (см.: *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С.37-38.).

¹⁴⁵ См.: *Семевский М.И.* Материалы к русской истории второй половины XVIII в. // ВЕ. 1867. № 3. С.305-323.